

ЛЮБОВЬ ЧЕРНИКОВА

ОГОНЬ

В ТВОИХ ГЛАЗАХ

ИСПЫТАНИЕ

16+

Огонь в твоих глазах

Любовь Черникова

Огонь в твоих глазах. Испытание

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Черникова Л.

Огонь в твоих глазах. Испытание / Л. Черникова — «ЛитРес: Самиздат», 2016 — (Огонь в твоих глазах)

Настоящей Защитницей стать нелегко. В Ордене Кирану тин Даррен ждёт много испытаний, ведь быть единственной девушкой среди курсантов — уже вызов. Курсанты, не желают с этим мириться, а в наставниках — ненавистный тин Хорвейг. Что делать охотнице? Сдаться, или доказать, что достойна не только другим, но и себе? Обрести друзей, тайного союзника и показать всем, что такое «Большая Охота». ____ Вторая книга авторского цикла "Огонь в твоих глазах" 1. Обещание 2. Испытание 3. Выбор

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	47
Глава 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Любовь Черникова

Огонь в твоих глазах. Испытание

Пролог

Позолоченные двери ресторации «Жар-птица» распахнулись, и слуга в абрикосового цвета ливрее с золотыми кантами по бортам и того же цвета обшлагами низко поклонился, сохраняя на лице бесстрастное выражение.

– Господин Грейл, вас уже ждут.

– Спасибо.

Райхо позволил второму забрать шубу из черного соболя и чинно прошествовал за первым, оставляя мокрые следы на паркете – на улице трети сутки без устали валил снег. Большой зал пустовал, занятыми оказались лишь несколько столиков – непогода заставила изнеженных обывателей Птичьего Терема сидеть по особнякам и предаваться хандре за кружкой горячего пряного аррога. Слуга подвел гостя к одной из кабинок и, открыв дверцу, отступил, с поклоном пропуская внутрь.

– Благодарю, – кивнул ему Райхо и вошел.

В кабинете за столом ожидала девушка, одетая в прямое алое платье с длинными рукавами. Ее плечи укрывала горжетка черного коротко стриженного меха, сливающегося цветом с уложенными в высокую прическу волосами. На шее, запястьях и в завитках укладки мягко сверкали утренней росой многочисленные даманды. Она поднялась навстречу, опустив долу чуть раскосые карие глаза, и присела в низком реверансе, достойном сильных мира сего своим изяществом. Мелодичный голос прозвенел хрустальным колокольчиком:

– Мой Тан.

– Пайшан.

Богатенький праздношатающийся простак Грейл тин Аллария неуловимо изменился, превращаясь в Райхо Справедливого, Хэпт-тана пятнадцатого клана сагалийских ассасинов. самого молодого, малочисленного и, пожалуй, самого скандального из всех. Перед юной ассхэпт стоял ее господин.

– Пайшан, надеюсь, ты вынудила меня бросить дела и притащиться в такую даль, чтобы сообщить о завершении задания?

Голос Райхо прозвучал устало. Хэпт-тан переживал, справится ли Сафуил без него? В последнее время появилось много нежеланных заказов.

– Да, мой Тан. Книга. Она здесь.

Девушка взяла со стола густо-красный, в тон собственному платью, сверток, перевязанный золотой лентой. Склонив голову, на вытянутых руках подала его Райхо.

– Наконец-то!

Он принял сверток. Развернул, не замечая пристального, исполненного затаенной тоски, взгляда. Внутри оказалась потертая холщовая сумка на длинной лямке, а в ней угадывался увесистый том. Хэпт-тан облизнул губы, не веря, что держит в руках величайшую реликвию Ордена Защитников. Едва совладав с дрожью в пальцах, вынул и положил книгу на стол. Погладил обтянутую коричневой кожей обложку, открыл наобум посередине, любясь ровными строчками мелких символов. Понял, что без труда разбирает древние руны – времени на их изучение было потрачено немало, теперь ассасин знал – не зря. Он одобрительно кивнул ученице. Ответом стала лучезарная улыбка и чуть заметный румянец, выступивший на высоких скулах, да мягкий отблеск счастья в глубине карих с поволокой глаз.

– Но почему так долго?

Хэпт-тан не мог позволить асс-хэпт расслабиться. В его клане должны быть только лучшие.

– Я не имела возможности часто появляться в деревне. Там все как на ладони, а трогать Защитника ты мне не велел. Кроме того, тин Хорвейг хорошо ее спрятал, либо держал при себе все это время. Пришлось использовать запасной план.

– Трогать этого конкретного Защитника, во-первых, было опасно для тебя. Во-вторых, навлекло бы ненужные подозрения на заказчика.

Райхо помедлил, прежде чем задать интересующий его вопрос.

«Киррана тин Даррен...»

Мысли то и дело возвращались к этой почти незнакомой девушке. Стоило чуть расслабиться, отвлечься, как перед внутренним взором вставал ее образ. Это напоминало наваждение, и однажды он, не выдержав, отправил Пайшан записку с приказом понаблюдать за ней. Зачем? Хэпт-тан и сам не знал ответа на этот вопрос. Возможно, потому что не мог забыть реакцию своей силы? Или то ощущение тепла, которое испытал с ней рядом? Ощущение чего-то родного, будто оказался дома. Он не мог разделить для себя, где заканчивается одно и начинается другое, и это мучило, не давая спать по ночам. Райхо давно нигде не чувствовал себя в безопасности, всегда готовый к любому повороту событий с тех самых пор, как пришлось стать ассасином. Нет он не жаловался, он сам выбрал такую судьбу много лет назад, но сейчас впервые задумался, что же дальше?

Было и еще кое-что, в чем Райхо не хотел себе признаваться. Он ревновал. Ревновал, понимая, что не имеет на это никакого права. Понимая, что мало кто устоял бы перед чарами Паситы тин Хорвейга, перед его положением и богатством: «Так почему Киррана должна была противиться? Разве что из-за запрета на серьезные отношения, предписываемого Защитникам Кодексом Ордена? – Райхо мысленно усмехнулся: – А кого-то еще волнует Кодекс?»

Наконец, Хэпт-тан решился.

– Пайшан, – начал он словно невзначай, не отрывая глаз от страницы, – тебе удалось проследить за девчонкой?

– Да, мой Тан. Я немного понаблюдала, но это было непросто.

– Отчего же?

– Она почти все время проводила рядом с Защитником, к ним нелегко было подобраться...

– Они вместе? – Райхо, постарался чтобы вопрос прозвучал бесстрастно, но его мышцы непроизвольно напряглись. Усилием воли ассасин заставил себя расслабиться и выпустить из пальцев лист.

– Нет, она не та девка, с которой Защитник проводит ночи. Эту – он бьет.

– Что?!

Пальцы Хэпт-тана дрогнули, невидящий взгляд застыл на слегка надорванной странице. Он сосредоточился на подавлении закипевшей внутри силы.

В глазах Пайшан промелькнуло удивление:

– Прости, я не так выразилась, – исправилась девушка, пытаясь сообразить, чем ей грозит сказанное. – Скорее, Защитник ее тренирует. Просто очень жестко... Даже жестоко, – асс-хэпт посчитала, что лучше умолчать о случае, свидетелем которому была однажды.

– Тренирует? Ну да, этого следовало ожидать, – Райхо, наконец, справился с собой и задумался.

«Значит, тин Хорвейг уже в курсе, кто она...»

– Да. С наступлением зимы они с утра до ночи дерутся, а ведь раньше он обучал ее еще и наукам. Об этом мне рассказал один из его помощников. Тот самый, который помог раздобыть книгу. Я его убила, – упредила она неизбежный вопрос. – Больше никто меня не видел.

– Что, если найдут тело?

– Не найдут. Там, где прошла голодная Стая, ничего не остается, – Пайшан поежилась, вспомнив жуткое и одновременно завораживающее зрелище, кое представляла собой тысяча бегущих волков.

– Стая?! – Райхо вскинул голову, и его глаза сузились.

Юной асс-хэпт почудилось, что каждое сказанное слово закапывает ее все глубже и глубже. Но что не так она сделала на этот раз? Почему Тан сердится? Она же достала книгу, и ни одна живая душа про это не знает.

– Да, Стая пришла в деревню...

– И ты посмела уйти? Ты оставила девчонку там? – Глаза Хэпт-тана на мгновение заволкло тьмой. – Если она погибла, пожалеешь, что осталась жива!

Пайшан ни разу не видела Хэпт-тана таким, и ей стало страшно. Соскочив со стула, асс-хэпт бросилась к ногам господина.

– Райхо! Мой Тан, прости! Я не думала, что это важно. Ты не говорил, что я должна сохранить ей жизнь любой ценой. Не отдавал такого приказа!

– Ты права.

Ассасин встал со стула и смерил шагами кабинет. Желваки ходили ходуном: «О, если бы я мог разорваться! Я должен был сам...» Он едва не зарычал и, круто развернувшись, подошел к окну, борясь с нахлынувшими эмоциями. Нельзя, чтобы ученица видела, что творится в душе. Он сильнейший, у него не должно быть слабостей, он – Райхо Справедливый и носит это прозвище заслуженно. Побелевшие пальцы сжали подоконник, и полированное дерево жалобно скрипнуло. Борясь с эмоциями и с новым приступом бунтующей силы, ассасин не сразу осознал, что именно говорит ему, стоящая на коленях асс-хэпт.

– Мой Тан, тебе не о чем волноваться. Киррана тин Даррен выжила. Я воспользовалась суматохой и смогла проследить. Поначалу тин Хорвейг отнес ее к знахарке, но даже не стал заходить в избу. Девушка цела, просто ее сила вырвалась на свободу.

Хэпт-тан обернулся, теперь уже стараясь скрыть облегчение, от которого, казалось, ноги подкосились. Он с видимым спокойствием опустил на вычурный резной стул с мягкой обивкой, хотя хотелось попросту плюхнуться: «Боги! После таких потрясений стоит отменить все назначенные на сегодня Грейлу визиты и провести вечер лежа в горячей благоухающей маслами и травами ванне при свечах, да потягивая крепчайший ханаретто, чтобы успокоить нервы. А потом выспаться как следует».

– Я сначала глазам не поверила. Когда волки набросились, Киррана сражалась, как фурия. Каждый ее удар стоил одному зверю жизни, – в голосе Пайшан звенело искреннее восхищение. – А Защитники запаздывали. Они бы не успели добежать, но тут девчонка неожиданно использовала силу. Зверей расшвыряло в стороны, как котят. Защитников, кстати тоже.

«Волки?! Защитники?! Чего еще я не знал?»

Райхо понял, что ему определенно нужен отдых. Он сильно ошибся, считая, что Киррана в безопасности рядом с ненавистным тин Хорвейгом. А ведь еще в прошлую встречу мог бы понять, что все не так, как кажется.

– Тан, но как такое возможно, а? – голос асс-хэпт прозвучал робко. – Киррана же женщина. Но ведь Защитников – женщин не бывает?

– Не знаю, Пайшан, пока не знаю. Но я обязательно выясню. – Райхо положил руку на Книгу Излома.

Глава 1

Пасита легко взбежал на крыльцо, будто и не проделал всего пути с Кирой на руках, и Нааррон задумался, способен ли Крэг на подобный подвиг?

«Сам бы я точно не смог донести сестру, разве что, если бы тащил волоком?» – на этой мысли он решил, что постарается впредь уделять больше времени физическим упражнениям, и вместе с остальными ввалился внутрь нетопленной избы. Тин Хорвейг, недовольно поморщившись, осторожно уложил Киру на постель. Сев рядом на краешек, провел по щеке тыльной стороной руки, потрогал лоб. Сжал маленькую, испачканную кровью ладошку и, нелестно помянув какого-то Харилу, обернулся к друзьям:

– Ледяная! Растопите печь, ей срочно нужно тепло. И нагрейте воды. Ушат, должно быть, где-то там, – он указал на дверь.

Спорить никто не стал, да и неподходящий для этого сейчас был момент. Нааррон бросился закладывать в топку дрова, а Крэг завозился в сених.

– Слишком долго, – проворчал тин Хорвейг нахмурившись.

Если бы не эти два идиота, он бы попросту разделся и согрел девчонку своим телом – это самый действенный метод, особенно если ты Защитник. Хотя был у этого способа один серьезный недостаток – Пасита боялся, что не сможет удержать себя в руках. Он мотнул головой, отгоняя неподобающие ситуации мысли, и в его глазах блеснуло пламя. В комнате стремительно потеплело, и Нааррон, отшатнувшись от полыхнувшего в печи пламени, подивился мощи Защитника.

Вернувшийся с ушатом, Крэг испытал болезненный укол зависти – лихо подогреть лавку это одно, а моментально прогреть целую избу... Он отогнал от себя разрушительные мысли и налил воды из загодя наполненного кем-то ведра. В конце концов Пасита далеко не первый, чей потенциал превышает его собственный, не расстраиваться же теперь из-за этого? Но все же, не удержавшись, сунул руку в ушат, подогревая воду. Это незамысловатое с виду действие стремительно истощало его резерв. Как ни странно, вот такие вот и требуют, порой, больше силы, чем большая часть боевых приемов.

– Ставь сюда.

Пасита указал на табурет возле кровати и, скинув кафтан, выудил из шкафа чистое полотенце. Намочив край, осторожно стер кровь с лица Кирраны. Затем проделал то же и с руками.

– Волосы придется вымыть, – тин Хорвейг принялся расплетать косы, его давно тянуло это сделать.

Отодвинув ушат в сторону, он стянул с охотницы сапоги, расстегнул и снял куртку. Собрался было снять и штаны, но обнаружил, что Нааррон подскочил к нему и уже приоткрыл было рот, собираясь возмутиться. Крэг тоже весь напрягся, и выражение его глаз стало воистину убийственным. Это зрелище развеселило Паситу. Криво усмехнувшись и не сводя глаз с неожиданных гостей, он заботливо накрыл Киру двумя одеялами, подумал мгновение и набросил сверху еще волчью шкуру.

– Это должен был сделать я, – запоздало дернулся возмущенный Нааррон.

– О, заучка! Ты сделал уже все, что мог, когда залечил ее раны. Не переживай так. Я, между прочим, знаком с твоей сестрой подольше, даже чем ты сам. Поверь, мы с ней достаточно близки, чтобы она предпочла доверить это дело мне. – Он ухмыльнулся, наблюдая за реакцией.

– А у тебя здесь всегда такой бардак? Хоть бы прибрался, прежде чем приводить гостей, – не удержался от подколки Крэг, уводя разговор в иное русло. Слишком уж ему не нравилось, как по-хозяйски распоряжается тин Хорвейг и как с ними говорит.

Пасита хотел было съязвить в ответ, но вдруг побледнел, увидев разбросанные на полу книги.

– Боги, нет! – прошептал он севшим голосом.

Не надо было подходить близко, чтобы понять: Книги Излома на месте нет. Сиротливо распахнув вырезанные изнутри страницы, на полу валялась «Большая энциклопедия родов Ярроса». Защитник устало опустился на лавку, его горький смех огласил горницу: «Боги жадны. Они дают одно, но непременно отнимают другое».

– Случилось что? – примирительно поинтересовался Нааррон и тут же напоролся на взгляд, не обещающий ничего хорошего.

В этот момент Кира пришла в себя.

Что-то лезло в рот и щекотало лицо.

«Как будто бы мех? – Открыв глаза, охотница поняла: – Волчья шкура!»

Дети. Волки. Внутренности. Оскаленные пасти и повсюду кровь... Скользя от нее рукоять ножа... Перед глазами как наяву понеслись отрывки безнадежного сражения со Стаей, но, как обычно, Кира не помнила, чем все закончилось.

– Стая!

Она резко села и тут же зажмурилась, когда комната вместе с присутствующими в ней пошла в пляс. Нааррон не успел сделать и шагу, как Пасита и Крэг одновременно оказались рядом, едва не столкнувшись лбами. Зло зыркнув на тин Хорвейга, первым заговорил Крэг:

– Кира, как ты?

В золотистых глазах курсанта отразилась искренняя тревога.

– Что с детьми? Мне надо туда, – охотница сделала попытку встать, но тело не послушалось, а движение отдалось болью во всем теле, вырвав невольный стон.

– Отвали, молокосос! Ей и без тебя несладко. Пшел вон!

– Сам отвали! – отмахнулся Крэг, не обращая внимания на его слова.

– Заткнитесь оба! – неожиданно для всех, в том числе и для себя самого, рявкнул Нааррон и опустился на колени рядом. – Сестренка, все в порядке. Стая ушла, ты —молодец. Справилась. Пасита, где отвар, который дала знахарка? – повернулся он к Защитнику.

– Тише, девочка, тише, – Пасита, преодолев слабое сопротивление, осторожно, но настойчиво уложил Кирану обратно.

Крэг тем временем придвинулся ближе и тихо сказал:

– Ты сделала невероятное – победила Стаю. Теперь тебе надо отдохнуть. Не бойся, я рядом, – он легонько сжал ей пальцы.

Кира ответила тем же, почувствовав приступ благодарности и что-то еще. Поняла, что не желает отпускать его руку. Хотелось просто прижаться щекой к этой теплой ласковой ладони, закрыть глаза и уснуть.

«И чтобы потом, когда проснусь, он также, улыбаясь, сидел здесь и смотрел на меня своими необычными золотыми глазами, – она перевела похолодевший взгляд на нависшего над ними тин Хорвейга, – а этот, чтобы оказался где-нибудь подальше!»

– Проваливай! – грубый рык развеял мечты. Защитник вынудил Крэга отойти, и сам занял его место. – Выпей-ка. – Он приподнял Киру, придерживая за плечи, и поднес фляжку к губам. Выжидательный взгляд, в котором плескалась странная смесь тревоги и торжества, удивил и смутил ее. Стало неловко находиться так близко, прижиматься боком к теплому телу.

«Он же меня считай, что обнял!» – Некстати припомнились развратные сны, а от мысли, что она сейчас в той же самой постели, стало еще хуже, но на сопротивление не осталось сил. Кира решила не устраивать скандала, успокоив себя тем, что рядом ее брат и Крэг, который

даже ближе подошел. Навис внушительно, так и следил за каждым движением. Тут же раздался голос Нааррона, оттесненного плечистыми Защитниками в сторону:

– Мне определенно не нравится, что у постели моей сестры трутся два мужика, которые даже не являются ее родственниками. Это выходит за рамки приличий, господа, не находите?

Крэг тактично отодвинулся подальше, но Пасита, пользуясь своим положением, прижал ее к себе еще крепче и ответил:

– Смею заметить, твоя сестра сейчас находится в моей постели, – он издал короткий смешок. – Как бы неоднозначно это ни звучало.

Кира в это время послушно отпивала очередной глоток – зелье знахарки Матрены уже не раз выручало. При этих словах она вдруг поперхнулась и закашлялась. Нааррон оправился от замешательства быстрее остальных:

– А ну отойдите! – Он выхватил фляжку из рук Паситы, одновременно умудряясь хлопнуть охотницу по спине. – Я здесь единственный целитель, к тому же Киррана тин Даррен моя сестра. Тин Хорвейг, не советую об этом забывать, – припечатал он неожиданно холодно.

Защитник Пасита нехотя повиновался, привычно заняв место на стуле, Крэг отошел и привалился к стене, скрестив руки на груди. Воцарилось молчание, которое нарушил тихий голос Киры, которой на этот раз удалось самостоятельно сесть и даже спустить ноги:

– Отведите меня домой, пожалуйста.

– Ты еще слишком слаба, чтобы идти. Переночуешь здесь, – Пасита был непреклонен. Криво улыбнувшись, он подался вперед и добавил шепотом: – Договор, Кира!

– Если Киррана хочет домой, она пойдет домой, – Крэг оттолкнулся от стены и выпрямился, разворачивая плечи. – Если она сама идти не сможет, я донесу.

Тут Кира заметила, что все ее учебники в беспорядке валяются на полу, и вопрос вырвался сам собой:

– Пасита, а где Книга Излома?

Защитник, не делая тайны, много раз доставал ее и прятал при ней. Когда Кира увидела это впервые, посмеялась, ведь Каррон столько лет хранил книгу просто на полке, и ничего с ней не случилось. На что Пасита ответил, времена изменились, и теперь это слишком ценная вещь, чтобы относиться к ней так беспечно. И вот толстая энциклопедия с вырезанными страницами валяется на полу, а внутри ничего нет.

– Книга?! – Нааррон побледнел. – Кира, ты сейчас говоришь о той самой Книге?

– Да, наверное.

– А что, тут все уже о ней знают? – Тин Хорвейг с негодованием повернулся к охотнице: – Ты вот так запросто рассказала двум незнакомцам про Книгу Излома? Кира, ты меня поражаешь!

– Мы не незнакомцы! Я ее родной брат. И да, Киррана рассказала нам о Книге, потому что именно за ней мы и пришли.

– Да неужели?! – Пасита оскалился. – Тогда я почти рад, что ее сперли! – Он резко вскочил, уронив стул. Отворив двери в сени, громогласно гаркнул:

– Хар-рила!

Кира втянула голову в плечи, когда Защитник повернулся. В его глазах разгоралось красное пламя.

– Проблемы с самоконтролем, тин Хорвейг? – буднично поинтересовался Нааррон, едва сдержавшись, чтобы не вытереть потные ладони о штаны.

Защитник одарил его очень нехорошим взглядом, но каким-то чудом адепту удалось сохранить самообладание. Глубоко вздохнув, Пасита вернулся к окну, где застыл, вглядываясь в темноту. Крэг показал другу поднятый вверх большой палец. Нааррон ответил вымученной улыбкой и сделал вид, что вытирает со лба пот. Наблюдая их жестикуляцию, Кира едва не прыснула. Теперь она окончательно убедилась, что с тин Хорвейгом можно и нужно бороться.

– Книги у меня больше нет... – ровный голос Защитника раздался через некоторое время. – Не думал я, что тин Шнобберы окажутся такими шустрými... Плохо.

Он повернулся к гостям:

– Ночуйте сегодня здесь. Ты, – Пасита упер палец в грудь Нааррона, – присмотри за сестрой. Ляжешь на лавке. А ты, – он указал на Крэга, – тебя я не оставлю рядом с девчонкой, даже не надейся. Будешь ночевать в сенях вместе со мной. Холод тебе не страшен, или твоих жалких силенок даже на это не достанет? – Тин Хорвейг презрительно поморщился.

– Холода я не боюсь. А ты, вижу, по себе всех равняешь? Думаешь, я способен навредить Кирране?

– Навредить? – Пасита поднял брови, деланно удивившись, затем хмыкнул, оценивающе осматривая курсанта. – Не в этом дело. Просто уж больно рожа у тебя смазливая. Не хочу, чтобы моя девочка смотрела на нее засыпая. – «Моя девочка» он нарочно выделит голосом, радостно наблюдая, как все присутствующие напряглись.

Защитник постарался, чтобы фраза прозвучала шутливо, но на деле припомнил свои особенные сны. Он не сомневался, их причина заключается в силе Кирраны, другого объяснения просто не могло быть. Сюжет же этих снов, без сомнений, принадлежал ему самому. Он был творцом: «Ну не девчонка же это все придумала в конце концов? Для подобного она слишком невинна».

От таких мыслей на его лице сама собой нарисовалась плотоядная улыбка. В этот момент он встретился глазами с Киррой, и та вздрогнула, будто догадавшись, о чем он думает. Но следующая мысль, заставила посерьезнеть и взглянуть уже на Крэга: «С ней рядом парень плавится, словно воск!» Это нервировало. Тин Хорвейг подумывал его выгнать вообще из избы, да только понимал, девчонку тогда тут точно не удержишь. Новоявленный братишка тоже уйдет и заберет Киру с собой.

Настаивать и ссориться с Настоятелем лишний раз тоже не хотелось. Как бы молод ни был Нааррон тин Даррен, но занимает высокий пост, а значит, могут возникнуть неприятности: «Если, конечно, заучка осмелится их мне устроить».

– Давай уже, двигай, – Пасита застыл в дверях, ожидая, пока Крэг первым выйдет из комнаты.

– Никак сам хочешь на меня перед сном полюбоваться? Ну так ладно, смотри, только руками не трогай, – поддразнил Крэг.

– Береги зад, мало ли что мне ночью приснится, – не остался в долгу Пасита.

– Свой береги! – огрызнулся курсант.

Кира, выпучив глаза, наблюдала за этой перепалкой, стремительно краснея.

– Заткнитесь оба! – рявкнул Нааррон. – Тут барышня нецелованная, а они языки распустили, будто дуболомы на плацу!

– Не такая уж и нецелованная, – Пасита недвусмысленно подмигнул возмущенной Кире, и вышел-таки первым.

Крэг застыл, вперившись в нее вопросительным взглядом. Красная как рак охотница вдруг разозлилась: «Как вы мне все надоели!» Она вздернула подбородок, показывая, что не собирается никому ничего объяснять.

– Крэг, избу студишь! Не все здесь Защитники, – поторопил Нааррон друга, и тот, не говоря ни слова, вышел наружу.

Из Киры будто выпустили воздух, она со стоном откинулась на подушки.

– О чем это он? – брат осторожно присел рядом и, предупреждая взрыв негодования, поднял открытые ладони. – Он тебя обидел, сестренка? Можешь мне рассказать, я сделаю все, что в моих силах...

– Ерунда, – повела плечом охотница, решив, не пришло еще время для жалоб. – Пасита говорил о празднике Киаланы.

– О! – Нааррон смутился, но все же осторожно задал вопрос: – Богиня соединила вас?

– Нет! Что ты! Пасита меня спас от одного охальника, а потом требовал поцелуй, как плату. И только.

– Я ожидал худшего, если честно. Знаешь, какая у него репутация в Ордене?

– Догадываюсь, – Кире не хотелось вдаваться в подробности. – Если хорошо подумать, к ней Пасита относился по-иному, чем ко всем прочим. Она не могла не заметить. А то, что происходило на тренировках в последнее время... Об этом брату знать пока не стоит. Да и нет сейчас сил, чтобы рассказывать.

– Тебе сейчас жизненно важно выспаться в тепле как следует. Я буду здесь, а этих обалдуев я выгнал, спи сестренка, – он наклонился и погладил по волосам.

Кира заснула раньше, чем успела что-то ему ответить. Нааррон еще немного посидел, держа ее за руку, потом осторожно поднялся и, повинувшись порыву, чмокнул легонько в лоб. И все бы ничего, но угнетало то, что не удалось выполнить задание.

«Книга Излома исчезла, и неизвестно в чьих руках она теперь, если, конечно, все это не подстроил сам же тин Хорвейг. Нет. Вряд ли. Не мог он специально так сильно расстроиться».

Нааррон вздохнул, зато теперь у него появилась сестра и новая цель – нужно непременно отвезти Киррану в Орден. Она должна учиться. Неодобрительно качая головой, адепт подобрал с пола все книги и аккуратно составил на полку. От этого простого действия на душе стало чуточку легче.

В закутке в сенях Пасита занял ложе Мордана, тихо посмеиваясь над молокососом, который, ругаясь себе под нос, возился на неопрятной подстилке Харилы. Лежа лицом к стене, Защитник его не видел, а только слышал.

– И не пялся так на мой зад! – подлил он масла в огонь, и рассмеялся на раздавшееся в ответ грязное ругательство.

Стоило закрыть глаза, как мысли тут же вернулись к девчонке: «Кир-р-ра...»

Он задумался о силе Кирраны: «Огонь в ней еще не проявился, а вот с морозом, похоже, все обстоит проще». Пасита припомнил рассказ Мордана об инее на траве, и обмороженную рожу одного из мужиков: «А это даже хорошо. У меня преобладает огонь, значит, наш ребенок родится с заведомо высоким потенциалом. Но что же ее отличает от прочих Защитников? – Тин Хорвейг принялся перебирать особенности: – Кира может входить в боевой транс. Ну это как раз несложно. Пока делает это неосознанно, но вскоре научится управлять процессом. Достаточно вызвать сильные эмоции. Я использую ярость. У нее, похоже, страх за близких. Керун! Все было так просто! Как я сразу не догадался? – Защитник почувствовал некоторую досаду: – Надо было вовремя прицелить хвост Анасташе, уже давно тискал бы девчонку в Ордене, да и Книга была бы под рукой... – Он тяжело вздохнул. – Вторая особенность Кирраны – повышенная регенерация, – Пасита давно заметил, что Кира восстанавливается намного быстрее прочих. – Быстрее даже, чем я сам. А вот то, что девчонка сделала с волками – что-то новое. Такому Защитников не учат. – Защитник припомнил, как его отбросило, будто молот в грудь ударил. – С этим еще предстояло разобраться. – Да! Еще эти наши с ней сны одни на двоих. Смущение Киры тому доказательство. Вопрос: почему они прекратились внезапно? Неужели девчонка научилась самостоятельно ставить блок? Нет, в это трудно поверить, она-то и структуру силы не сможет видеть до Церемонии Определения».

Тин Хорвейг прислушался к мерному сопению на соседней лежанке и задумался: «А что, если и молокососу тоже приснится особенный сон, ведь Киррана рядом? – Он даже тихонько перевернулся и посмотрел на курсанта. На смазливом лице играла безмятежная улыбка. – Дрыхнет сном младенца, собака! – Укол ревности пришел одновременно с мыслью: – Интересно, сила девчонки и на него так же влияет?»

Пасита едва не зарычал, припомнив взгляды, которые Крэг кидал на девчонку. Защитник был готов написать на ее лбу: «Моя!», если бы это удержало всех прочих подальше. С трудом подавив приступ ярости, Защитник постарался побыстрее заснуть, чтобы единолично завладеть снами Киры: «Если моя догадка верна, победит тот, у кого потенциал выше».

Глава 2

Проснувшись, Кира оказалась во власти запаха, который пробирался в нос, в горло. Обволакивал, лишая воли, вынуждая чувствовать себя добычей, заставляя быстрее колотиться сердце. Это был запах Паситы тин Хорвейга. Он здесь спал, и его постель впитала в себя аромат его тела, вызывая в памяти моменты, когда Защитник находился особенно близко. И все они были, так или иначе, болезненны. Охотница даже не знала, что хуже: его домогательства или тренировки, после которых он нес ее полуживую на руках. И то, и другое было связано с болью. Вчера из-за слабости и странного состояния, она не обратила на это внимания, но теперь оставаться здесь было невыносимо. Наверное, именно запах послужил причиной возвращения странных снов, или...

«Боги! Я уже несколько дней не принимаю Матренино зелье – вот и результат!»

Вспомнив, что именно снилось, Кира передернулась от отвращения. Было такое чувство, что она вся покрыта грязью. Но еще хуже, что в охальные грезы прорвался и Крэг. «Если сон был на троих, то и не видеть бы мне обоих больше никогда в жизни! Нужно очень постараться, притворяясь, что ничего не помню. Паситу, конечно, не обмануть. Но, может, Крэг ничего и не понял? Главное, не смотреть ему в глаза, иначе умру от стыда, право слово!»

За столом у окна сидел Нааррон. Почувствовав ее взгляд, он повернул голову:

– Проснулась, сестренка? – На губах брата появилась улыбка. – Как ты?

– Полегчало. Пойдем-ка домой, и лучше – побыстрее.

В тот же миг дверь в горницу распахнулась, ударившись о стену. Внутри бешеной кикиморой ворвалась Глафира. Платок свалился с головы, волосы растрепались, щеки алели не то от мороза, не то от гнева:

– Ах ты дрянь! Пробралась-таки в его постель! Да как только посмела?!

Кира с достоинством поднялась, от души желая напомнить склочной девке, благодаря кому та еще жива и стоит здесь, но внезапно из прекрасных глаз брызнули горькие слезы. Растеряв в одночасье весь запал, Глашка вдруг прислонилась к стене и тихонько сползла на пол, беззвучно рыдая. Следом влетел злой как орда сартогов Пасита.

– Убирайся вон!

Защитник поднял нежданную гостью за ворот бобрового полушубка и собрался было вышвырнуть наружу, словно нашкодившего котенка, как Нааррон и Крэг едва ли не хором рывкнули:

– Пусти девку!

Крэг успел подхватить Глафиру, помогая устоять на ногах, и та подняла взор, исполненный такой боли, что курсант невольно сглотнул, растерявшись на мгновение.

– Почему? – прошептала она едва слышно. – За что со мной так? Разве я не была послушной и заботливой? Я так старалась... – Безошибочно угадав в парне Защитника, девушка задала вопрос, которого тот совсем не ожидал: – Разве так положено поступать с девой-клятвой?

Нааррон и Крэг недоуменно переглянулись, а затем дружно посмотрели на Паситу. Тот только пожал плечами, будто говоря: «А я-то тут при чем?» Нааррон накинул куртку и, мягко отстранив друга, осторожно приобнял девушку за плечи. Спросил исполненным участия голосом:

– Как тебя зовут? Пойдем, домой провожу.

Когда дверь за ними закрылась, Пасита повернулся к Крэгу и как ни в чем не бывало заявил:

– Подумай три раза, молокосос, прежде чем принимать такие подарки. Поначалу забавно и льстит самолюбию, но наскучит быстрее, чем думаешь.

– Ублюдок!

Крэг вмиг оказался рядом и схватил Паситу за грудки, но тот и не думал сопротивляться. Криво ухмыльнувшись, приподнял бровь и выжидающе уставился на противника. Кира кожей почувствовала, как в горнице загустел воздух, и стало тесно от заиграющих мускулов и широких плечей. В зрачках мужчин заплясали отблески силы.

– Ну же! – почти нежно протянул Пасита, глядя чуть сверху на более низкого Крэга, и Кира поняла, он просто провоцирует того напасть первым. – Сделай это, молокосос! Я просто мечтаю надрать тебе задницу. – Вдруг он быстро наклонился и чмокнул Крэга прямо в губы.

Каким-то чудом Кире удалось опередить курсанта. Молниеносно перехватив кулак, она одновременно оттолкнула Паситу в сторону:

– Хватит!

Эта же комната. Крэг обнимает ее за талию. Наклоняется, глядя в глаза, и нежно целует. Прикосновения его губ поначалу легки, как порхающие бабочки, и дразнящи. В нетерпении Кира подается вперед и уже сама завладевает его ртом. Так, как хочется, страстно прижимаясь. Чувствуя, как в его груди тяжело ухает сердце, заставляя раскаленную желанием кровь бежать быстрее по венам. Тихо стонет, зарываясь пальцами в жесткие волосы на затылке курсанта. Он возвращает преимущество, и поцелуй становится еще более глубоким и страстным. Приоткрыв глаза, Кира встречается с затуманенным взглядом золотистых зрачков, в глубине которых разгорается отблеск силы. Крэг тихо рычит, стискивая ее сильнее, и от этого вибрирующего звука внутри все сворачивается в тугую тяжелый узел...

– Какая прелесть! – раздается ехидный голос. – А ты, оказывается, можешь быть очень горячей.

Пасита оценивающе смотрит, и Кира чувствует, как пылают щеки. Крэг аккуратно отстраняет ее и закрывает собой, поворачиваясь к Защитнику.

– Молокосос, – тянет Пасита, широко улыбаясь, но в глазах ни тени веселья, – ты не понял, это – мой сон!

Неожиданно для Киры Крэг, будто от удара, отлетает в сторону, приложившись о стену спиной. Пасита же стоит на прежнем месте, даже рук не поднял. Парень вскакивает на ноги, злой и готовый к драке, но останавливается, не в состоянии и шагу ступить, будто запертый в клетке. Кира видит, как он что-то кричит, мечется, обрушивая удары могучих кулаков на невидимую преграду, но до нее не доносится ни звука. Пасита, удовлетворенный содеянным, одобрительно кивает и оборачивается. Его улыбка становится плотоядной:

– Ты в платье.

Кира опускает глаза.

И правда, на ней вместо привычного мужского наряда, надето платье. Совершенно развратное: с открытыми плечами, глубоким декольте, выставляющем на обозрение груди, и разрезами на полупрозрачной юбке, открывающими стройные бедра. Она могла поклясться, что еще мгновение назад его не было.

– Только вот опять эти косы! – не унимается Пасита. Его брови недовольно сходятся на переносице, и уже расплетенные волосы волнистой копной рассыпаются по обнаженной спине. – Так гораздо лучше.

Он подходит ближе. Запускает пятерню в русое великолепие, хватая, оттягивая голову назад. Проводит языком по шее, оставляя влажную дорожку, обжигая дыханием. Желание убежать нестерпимо, но как обычно, Кира не может и шевельнуться, скованная могучей волей Защитника.

– Впрочем, платье мне тоже не нравится, – он моргает, и одежда падает к ногам.

Крэг замирает в западне, прижав ладони к невидимой преграде. В его глядящих исподлобья глазах отражается боль и чувство вины. Пасита толкает Киру. Не в силах удержаться на ногах, она вынужденно садится на его ложе.

– Договор-р, Кир-р-ра! – рычит Защитник.

Стальные глаза нехорошо мутнеют, зажигаясь изнутри темным пламенем. Рядом с тихим лязгом падает грубая цепь, пристегнутая к кожаному ошейнику.

Вскрикнув, Киррана отшатнулась в сторону. Мужчины тяжело дышали и выглядели не менее ошарашенно. Стушевавшись, под пристальными взглядами стальных и золотистых глаз, охотница отступила еще на шаг.

– Мой сон, мои порядки, – выдохнул тин Хорвейг, первым пришедший в себя.

– Пасита, мы уходим. Немедленно, – припечатала Кира. – Так будет лучше для всех, – испугавшись, что сейчас Защитник назло прикажет остаться, она невольно допустила в голос мольбу, но все равно подняла с пола сапоги и обулась. Осмотрелась в поисках куртки.

Тин Хорвейг отошел к окну, задумчиво глянул наружу, и только тогда нарочито спокойно ответил:

– Пожалуй, ты права. Идите.

Пасита осознал, что едва сдерживается, чтобы не свернуть сопернику шею. Тот же так и стоял, не сводя ошеломленного взгляда с Кирраны. Защитника осенило – воля парня подавлена: «Ну конечно! Потенциал курсанта ничтожен, где ему с девчонкой тягаться? Меня, и то вон как корежит! Порой, охота сапоги ей вылизать...»

Не поворачиваясь, он предупредил:

– Добрый тебе совет, молокосос: побольше медитируй, если не хочешь превратиться в пускающего слюни идиота. И еще, – последние слова Пасита буквально прорычал, растеряв едва обретенные крохи самообладания, – держись от нее подальше!

Кира едва успела ступить на крыльцо и набрать полную грудь морозного воздуха, очищая легкие, как из-за угла вывернул Нааррон, усмехнулся:

– Уже покидаем нашего гостеприимного хозяина?

Охотница бросила на вышедшего следом Крэга предупреждающий, исполненный тревоги взгляд. Тот ответил ободряющей улыбкой и хотел было взять ее за руку, но в последний момент передумал. От Киры этот жест не укрылся, и настроение окончательно упало.

– Да. Идемте, – не оборачиваясь, она направилась прочь.

Брат нагнал и пошел рядом:

– Что-то случилось? Ты как?

– Уже лучше, – мрачно ответила ему охотница. И, чтобы предотвратить нежеланные вопросы, проговорила, ни к кому конкретно не обращаясь: – Интересно, мама уже вернулась?

– Мама? – Нааррон даже приостановился.

– Не волнуйся, она тебе обрадуется, – Кира ободряюще улыбнулась.

Вскоре вся троица ввалилась на двор Анасташинной избы. Кира – первой на правах хозяйки. За ней осторожно в калитку шагнул Крэг, а за его широкой спиной, будто скрываясь, нерешительно мялся Нааррон. Скрипнуло промерзшее дерево – дверь этой зимой слегка перекосило, и она терлась о дощатый пол. На крыльцо выскочила сама Анасташа. Раздетая, только в меховой телогрейке поверх домашней рубахи, да большом цветастом платке, покрывающем плечи. На Киру обрушился водопад слов и вопросов:

– И где ты пропадаешь, дочка? Неужто тренировалась так рано? Я-то с рассветом приехала, а тебя уж нету. Печь не топлена, дома холод собачий! Ты, вообще, ночевала? Ой! А мы-то страху натерпелись! Волки выть как взялись, да на дорогу вышли! Кобыла захрапела, понеслась, что есть мочи, а Устин еще и погоняет. Сани – стрелой, серые – следом. Я сижу ни жива ни мертва, а про Стаю и мысли допустить боюсь. Тут волки поравнялись, и мы с Устином уж было решили, что и конец пришел. А один вдруг морду-то ко мне сунул, ну я его по носу-то и огрела со страху. А тот рыкнул, но отстал, а с ним и остальные. Чудеса, да и только!

– Мама, теперь Стаю можно не бояться.

– Как это не бояться?! – Анасташа вдруг осеклась и сощурилась от режущего глаза блеска белого снега, пытаясь разглядеть мощную фигуру рядом с дочерью. – А кто это с тобой? Никак Защитник?

– Это Защитник Крэг, мама. И Нааррон.

Адепт вышел вперед при этих словах.

Анасташа застыла на полушаге, поднесла ко рту руки. Громкий всхлип будто ножом резнул воздух, и Кира услышала, как шумно сглотнул брат.

– Сыночек... Сынок! – мать бросилась навстречу, платок скользнул на снег цветной птицей.

Нааррон, сбросив оцепенение, кинулся к ней, подхватил на руки, крепко обнимая.

– Мама! – голос прозвучал хрипло.

Нааррон поднял голову к небу, но из глаз все равно покатались слезы, пришлось стыдливо утереться рукой, но на их месте тут же выступили новые. Кира замялась, почувствовав неловкость, и непроизвольно покосилась на Крэга, о чем тут же и пожалела, встретившись с задумчивым взглядом. Она чувствовала ответственность за произошедшее у Паситы, и боялась, что отношение курсанта к ней теперь переменится. Она боялась, что едва обрела что-то светлое, как уже потеряла, но тот, вдруг улыбнувшись, приобнял ее за плечи.

– Ну вот, вроде ничего не случилось, – шутливо выдохнул в ухо. – Больше никаких видений и слюны. Да и идиотом я себя не чувствую. – Заметив, как переменилось выражение лица Киры, Крэг поспешно добавил, прижимая ее крепче, не давая отстраниться: – Прости. Я просто пошутил.

– Идемте в дом! – Анасташа, не выпуская руки Нааррона, первой направилась в избу, по пути подхватив упавший платок. От ее зорких глаз не укрылась маленькая сценка между дочерью и Защитником, и женщина улыбнулась, вздохнув с облегчением. В ее сердце воцарилась надежда, что этот симпатичный и сильный мужчина поможет избавить Киру от излишнего внимания Паситы.

Мать переживала за дочь, боясь, что та несмотря ни на что, привяжется к тин Хорвейгу. Тот мог вскружить голову кому угодно, стоило ему только захотеть, а Кира ведь такая наивная. Разглядит чего нет и не было, да станет маяться. Крэг же сразу пришелся Анасташе по сердцу.

В горнице вкусно пахло блинами, в печи томился чугунок с остатками похлебки. Без счета было выпито кружек молока и травяного отвара. Анасташа все сетовала, бросая выразительные взгляды на Киру, что пироги будут только к вечеру – кое-кто не удосужился поставить заранее опару. Сыто откинувшись на лавке, парни наперебой благодарили хозяек за жарко натопленную баню и вкусный обед.

– Мама, сможешь ли ты меня простить? Я давно должен был тебя навестить. Мне так стыдно! – Нааррон скривился, будто от зубной боли.

– Ничего, сынок, ничего, – Анасташа присела рядом, глядя его по плечу.

– Оставим их, – тихо шепнула Крэгу Кира и взяла за руку, увлекая на улицу. Защитник попутно прихватил с вешалки куртки и шапку.

– Стой! Куда разогналась? – придержал он охотницу в сенях. – Надевай!

Помогая надеть куртку, курсант развернул Киру к себе лицом и принялся бороться с застежками.

– Эй! Я и сама справлюсь, не маленькая.

– Позволь мне эту малость, пожалуйста, – его голос внезапно стал хриплым. – Я думал умру, когда тин Хорвейг ее с тебя снимал. Можно, я хотя бы надену? – Кира судорожно сглотнула, а Крэг продолжил: – Этот сон... В нем есть хоть частичка правды?

Очень хотелось ответить «нет» и рассмеяться, но в золотистых глазах не было и тени улыбки, только затаенная надежда. Кира молча опустила руки, чувствуя, как непривычно

сладко сжимается сердце. Крэг тем временем покончил с курткой и, шутя, нахлобучил ей на голову меховую шапку. Голубые и золотистые глаза встретились. Защитник глубоко вздохнул и осторожно выпростал косы на грудь. Кира, не думая, что творит, шагнула ближе и приподнялась на цыпочки, обвиняя руками его шею. Курсант заключил ее в объятия, с жадностью умирающего от жажды, завладевая губами.

Страшась быть застигнутой, Кире пришлось прервать самый безумный и сладкий поцелуй в своей жизни: «А ну как мама забеспокоится и выглянет в сени? Вот мне будет стыдоба!» Щеки пылали от смущения, голова слегка кружилась, когда она, пряча лицо, первой выскочила на улицу. Мороз немного привел в чувство, и охотница отважилась повернуться к Защитнику.

– Пойдем погуляем? – предложила как ни в чем не бывало. – Я покажу тебе деревню.

Крэг снова надел ей на голову, оброненную во время поцелуя, шапку. Ответил слегка охрипшим голосом:

– Я бы и дальше предпочел осматривать сени, но как скажешь.

– Ах ты! – возмутилась Кира и, подхватив с земли пригоршню снега, бросила парню в лицо. – Остынь!

– Ну все! Попадись мне, зацелую!

Крэг наклонился, загребая руками зараз столько, что впору было охотницу целиком засыпать, и Кира с визгом перелетела через плетень удирая. Все ее существо наполнилось детским восторгом. Домой они вернулись только к ужину, когда солнце наполовину скрылось за горизонтом. Раскрасневшиеся и с потрескавшимися губами еще час болтали на дворе, не входя в дом, пока Анасташа не замахала им в окно. Тут же на крыльце появился Нааррон:

– Вы хоть изредка за руки не держитесь, а то уж больно подозрительно, – усмехнулся он. – Крэг, надеюсь, ты еще помнишь, что Киррана моя сестра?

– Заучка, и что ты мне сделаешь?

По тону Кира поняла, что это их обычная дружеская перепалка.

– Я? Ничего. А вот она тебя вздует, – хохотнув, брат скрылся за дверью.

Кира прыснула и грозно посмотрела на Защитника. Тот, сделав невинное лицо: «А я что? Я – ничего», – потянул ее в сени. Там в уютном полумраке, не удержался и прижал к деревянной, покрытой изморозью стене сорвав еще один долгий и нежный поцелуй, от которого у Кирры подкосились ноги. Не держи ее Крэг, точно упала бы. Едва они успели сделать вид, что ничего не происходит, как дверь снова отворилась.

– Где же вас носит-то? Ужин стынет!

На пороге, грозно сощурившись, возникла Анасташа. Крэг широкой грудью закрыл смущившуюся Киррану, первым заходя внутрь.

– Идем, идем. Э-э... Снег обметали.

– Угу, – неубедительно согласилась с ним Анасташа. – Руки мойте и к столу.

Мать Кирры ни на миг не сомневалась, что происходит на самом деле и в душе ликовала. То, что Крэг тоже Защитник и не сможет жениться на Кире, ее совершенно не смущало. Уж лучше пусть он будет рядом, чем изверг Пасита. Этот вон как на дочку смотрит, словно пред ним жрица Киаланы. Такой не обидит.

Ужин получился просто царский. Стол ломился от блюд. Был даже зажаренный поросенок, выменянный у соседей на соболиные шкурки. Целый таз пирогов с дичью, вареный картофель, свежая похлебка и рыба.

– Ой, мамочка! Как же ты это все одна? – Кира осеклась, ей стало очень стыдно. Она впервые ощутила себя никудышной хозяйкой. Пока они с Крэгом «любовались красотами» Золотых Орешков, а главным образом овином, да и то изнутри – мать не покладая рук, готовила, на стол накрывала, чтобы гостей приветить. Что же Крэг про нее теперь подумает?

– Не переживай сестренка, я помогал. Люблю стряпней заниматься, вон и дылда тебе тоже самое скажет.

– Нааррон! – одернула его Анасташа. – Чему в этом вашем Ордене учат? Никак только обзывать?

Друзья рассмеялись, а Кира пропиталась благодарностью к брату. Он так легко понял, что она чувствует, и вовремя пришел на выручку. Некоторое время было только и слышно, как стучат ложки. Насытившись, они повели неспешную беседу о грядущем. О том, что делать дальше.

– Задание мы провалили, но зато нашли Киррану. Еще бы разобраться, как погиб отец, и тогда можно с чистой совестью вернуться обратно, – разглагольствовал осоловевший адепт. – Мама, а отец не болел, случаем? Может, замечала что? Он ведь отлучался года два назад седмицы на три или поболее?

– А и верно! – Анасташа нахмурилась, в глубине ее глаз промелькнула тоска. – Уезжал. А куда, про то мне не сказывал. Как вернулся, сам не свой был, будто подменили. Ослаб тогда сильно. Мы скрыли его хворь от деревенских. На людях-то Каррон еще держался, а ночами совсем худо приходилось. Лихорадка била нещадно, слабый был что котенок, откуда только силы брал, чтобы день сдюжить? Я тогда не отходила от его постели, а к Матрене идти он мне настрого запретил – сильно боялся, что кто-то узнает.

Кира слушала затаив дыхание, и ужасалась, как это она все пропустила? Нет, мать и раньше проводила ночи у отца в доме, в том не было ни для кого секрета... Но теперь только она поняла истинную причину, почему реже стали тренировки. Отец отправлял их с Микором одних, или же просто наблюдал, сидя рядом с книгой в руках. Внезапно ее осенило: «С той самой книгой!»

– По его наущению я готовила отвары и потихоньку он поправился, – продолжала Анасташа. – Но...

– Что мама? Ты еще что-то заметила? – Нааррон даже на лавке заерзал.

– Заметила, – кивнула Анасташа согласно. – Заметила, будто не стало в нем больше силы. Понимаете, – женщина замялась, – мне это было особенно заметно. А еще Каррон стал много читать. Ту книгу, которую вы искали... – она осеклась на полуслове. – Боги! Так, это он за ней и ходил! И погиб из-за этой проклятушей книги! Мой Каррон! – Она вскочила и подбежала к Нааррону, порывисто обняла, прижав к груди голову. – Сынок! И ладно, что она пропала. Туда ей и дорога! Сгубила отца, и тебя тоже погубит. Не ищи ее!

– Мам, успокойся, – Нааррон мягко высвободился. – Не в самой книге дело.

– Но тогда в чем же?

– Дело в Изломе. Не спрашивай только большего, я и так уже наговорил тут.

Кира вопросительно взглянула на Крэга, и тот украдкой шепнул ей на ухо, пока никто не видит:

– Излом тянет из Защитников силу.

Охотница поежилась. Отчасти от услышанного, отчасти оттого, что горячее дыхание приятно пощекотало ухо.

Раздался тихий стук в ставню, и все разом вздрогнули.

– Кто это? – Крэг повернулся к Анасташе.

– Не знаю, – предположила та. – Может, соседи любопытствуют?

– Или Пасита, – побледнела Кира, но тут же исправилась: – Хотя вряд ли. Он не стучал бы так тихо. Он не стучал бы вовсе...

– Я проверю, – Крэг вышел на улицу, но почти сразу обернулся.

– Нааррон, это к тебе. Та самая девчонка – Глафира.

– Глафира?! – хором воскликнули Кира и Анасташа.

Нааррон смутился и вскочил, хватая одежду.

– Кхм! Я скоро.

– Дела... И когда только молодежь успевает? – мать вопросительно взглянула на Киру.

Охотница не поняла толком, что та имела в виду, но уточнять не стала. Вместо этого задала вопрос, который мучил ее весь вечер:

– Крэг, когда вы собираетесь возвращаться в Орден?

– Как только дорога встанет. Сначала думали подождать у болот в каком-нибудь поселении, все равно по такой погоде туда успели бы добраться аккурат к паводку – в том краю намного теплее, уже почитай и весна.

– Скажешь, весна? – не поверила Кира.

– Там и зима, что ваша весна, или осень, – усмехнулся Крэг. – Но теперь мы точно не поедем до срока. Поживем здесь, так даже лучше будет. Анасташа, где можно стать на постой? Пустит кто будущего Защитника? – он осветил улыбкой горницу.

Кира вдруг забеспокоилась, представив, с какой охотой его приютит тот же Аккарий, а там и все его девять дочек! Ну и пускай опасность представляют только четыре. Ладно, три – насчет Ануши, она все же сомневалась...

«Стоп! Опасность? Я что же, ревную?!»

– А чего искать-то? Или тебе у нас не любо? – неожиданно выручила Анасташа, и охотница тихонько выдохнула расслабляясь.

– Еще как любо! – радостно откликнулся Крэг, стрельнув глазами в сторону Киры, что не укрылось от внимательного взгляда ее матери. – Да боюсь навлечь пересуды. Скажут – две незамужние женщины, и мужиков привечают, – тут Крэгу стало несколько неловко от сказанного.

– А и что с того? Нааррон – сын мне. Значит, мы с Кирой уже не одинокие. Ты же ему друг, а, значит, и гость. Но веди себя хорошо, – Анасташа так естественно погрозила пальцем, будто и не с без пяти минут Защитником говорила, а с соседским парнишкой, что вздумал яблоки воровать.

Наступила пора ложиться, а Нааррон так и не вернулся. Анасташа разволновалась было, да Крэг ее успокоил:

– Не переживайте, с ним все в порядке. Подозреваю, даже лучше, чем просто в порядке.

– Откуда тебе-то знать? – спросила Анасташа, уперев в бока руки, но Защитник только невинно улыбнулся.

Кира легла в комнате с матерью, уступив свою – мужчинам. Покрутившись, она удобнее устроилась на лавке и уже почти задремала, как вдруг вспомнила про Матренино зелье. «Сартог дери!» – выругалась мысленно и едва не застонала от досады. Выйти из комнаты было неловко, да и пузырек припрятан в ее постели, которую сейчас занимает курсант. Как она объяснит это ему или маме? Что они подумают? Глубоко вздохнув, охотница помолилась Киалане, чтобы ночь прошла без сновидений. Но, хоть и было стыдно себе в этом признаться, втайне она желала увидеть во сне Крэга. Пасита сказал: «Мой сон – мои порядки», так почему бы не сделать этот сон своим?

Глава 3

После ухода гостей Пасита долго медитировал, почти до самого вечера. Затем попытался уснуть, но едва не сошел с ума – его постель все еще хранила аромат тела Киры, вытаскивая на поверхность самые темные желания и фантазии. Спать здесь оказалось серьезным испытанием для его воли, но и перелечь на другое место он не смог себя заставить. Так и мучился, пока снова не всколыхнулась сила. Пришлось подняться и медитировать, но на этот раз сосредоточиться удалось с трудом, и тин Хорвейг понял, что еще одну подобную ночь он попросту не выдержит.

Поначалу, когда пришли эти сны, ложась в постель, он только и мечтал, чтобы девчонка снова оказалась в его власти, а просыпаясь, чувствовал себя из ряда вон плохо. Становился нервным, несдержанным, едва контролировал эмоции и силу. Когда же сны прекратились, он чуть не сошел с ума от желания вернуть их и вымещал свой гнев, почти избивая Киру на тренировках: «А ведь ей нечего было мне противопоставить!»

Но еще хуже на душе было оттого, что объяснял он себе эти срывы желанием добиться от нее выплеска силы: «Идиот! Тупой дуболом! Чем я лучше того же Харилы? Мог бы включить голову и хоть чуточку подумать, что девчонку так не проймешь!»

Окончив сеанс медитации, Пасита почувствовал себя немного лучше, но расслабляться не стоило. Теперь он понимал, что сны эти ни к чему хорошему не приведут, а потому был согласен от них отказаться. Тем более что не терял надежды обрести все это позже и взаправду. Защитник поднялся и заварил себе полную кружку сон-травы. Выпил до капли, сплюнув попавшие в рот венчики.

Несмотря на выпитый отвар, Пасита все равно проснулся рано. Могучий организм быстро расправился с какой-то там травкой, а мысль о том, что в этот самый момент девчонка и ничтожество смотрят вместе необычный сон, заставила покинуть постель. Ноги сами понесли его к дому Киры.

Нааррон тихонько проскользнул в избу, когда темное зимнее утро еще только готовилось вступить в свои права и еще не успело озарить горизонт на востоке первыми лучами холодного солнца. Адепт замер в нерешительности, не зная в какую из двух комнат податься. Чтобы не разбудить домочадцев он присел на лавку и решил подождать, пока кто-нибудь проснется. На столе стояло блюдо с пирогами, накрытое чистым полотенцем, вышитым по краю петухами. Пахло оттуда весьма аппетитно, и Нааррон вдруг осознал, насколько, оказывается, проголодался. Бурная ночь выжала все соки, и теперь, когда эйфория отступила, он чувствовал себя совершенно вымотанным.

Спать хотелось сильнее, но зато пирожки были прямо здесь – под носом. Утянув один, Нааррон принялся жевать, задумчиво глядя в окно, но видел там не заснеженный двор с расчищенными тропинками, а черные как ночь волосы Глафиры. Ее белое тело, алый рот, приоткрытый в сладостном стоне. Воспоминания были настолько свежи, что адепт будто почувствовал руки девушки на своих плечах. Ее губы, бесстыдно ласкающие его тело так, как он и не мечтал в жизни. Ее темные глаза, загадочно сияющие из-под пушистых ресниц. Казалось, он слышит ее дыхание и хриплый голос, шепчущий его имя.

– Заучка? – На плечо легла рука. Крэг выдернул друга из мира грез, заставив вздрогнуть от неожиданности.

– А?

– Только не говори, что всю ночь с барышней разговаривал, – тут Крэг заметил глуповатую улыбку, которая против воли рвалась наружу, несмотря на все потуги Нааррона совладать

с собственным лицом. – Зау-у-учка-а! – протянул радостно Защитник. – Да ты сартогов оболститель, дружище! – он одобрительно приобнял адепта за плечи.

– Поди к сартогам! – в тон ответил Нааррон и, повернувшись к окну, сладко зевнул. Глаза его осоловели, а движения стали вялыми, почти как когда они, не жалея сил, торопились в Орешки.

«Ай да Глафира! Укатала парня, едва живой сидит, того и гляди, прямо тут набок повалится», – подумал курсант и спросил вслух:

– Ну как это «поди к сартогам»? Нет уж, рассказывай!

Расположившись напротив, Крэг подпер голову рукам, придав лицу крайне заинтересованное выражение.

– Мне нужны подробности. Особенно подробности! – изобразив улыбку-оскал, курсант захлопал ресницами.

– Ты что, это серьезно? – адепт возмущенно повернулся, готовый дать отповедь не в меру любопытному другу.

– Нет, конечно! – сдержанно хохотнул Крэг, стараясь никого не разбудить. – Но не могу же я не поиздеваться.

– Я так и подумал, – вяло кивнул Нааррон, всем видом показывая, насколько он выше этого, и снова впал в проstration, доедая пирожок.

– Шел бы ты спать, дружище, – Крэг хлопнул адепта по плечу. – Эх тебя эта девка умогала! После такого хороший сон – то, что нужно мужчине. Уж поверь мне. – Он заговорщически подмигнул и указал на дверь комнаты: – Там на лавке постелено.

– Ну хоть что-то толковое ляпнул. Пожалуй, так и поступлю.

Нааррон поднялся, отхлебнул простокваши, томившейся в кринке на печке, и, утерев белые усы, устало потопал в комнату. Крэг пересел на его место поближе к окну и тоже взял пирожок. Сам он чувствовал себя не менее разбито, вдобавок одолевало томление. О! Причиной тому снова был необычный сон или видение, курсант так и не понял, что именно. К счастью, на этот раз обошлось без тин Хорвейга. Только Кира и он сам. Керун и Киалана! Они любили друг друга так горячо и страстно, насколько это, вообще, было возможно.

Ничего подобного с ним еще не случалось, хотя Крэг не был обделен женским вниманием, а как и большинство курсантов Ордена, скорее страдал от его избытка. Но ноющее тело, на деле так и не получившее разрядки, напоминало: все – лишь грезы, не более. Осознав, что это их с Кирой обоюдное желание, сводит его с ума, заставляя кровь кипеть в венах, Крэг понял, что боится. Боится, что однажды не сможет держать себя в руках с ней рядом.

Он припомнил вчерашний вечер. Поцелуи. Огонь силы, разгорающийся в ее глазах, бездонная синева которых заставляла парить над землей от счастья. Сдержаться и вчера было сложно, что же будет сегодня? Завтра? В голове всплыли слова Паситы: «Побольше медитируй... Держись от нее подальше... Не об этом ли говорил ублюдок?»

Крэг, тяжело вздохнув, отер ладонями лицо, словно прозревая. Напрашивался неутешительный, но очевидный вывод: то, что происходит, не имеет отношения к реальным чувствам. Доказательством тому его собственное поведение в Птичьем Тереме. Тогда он еще не знал Киррану. Даже не видел! А ведь был готов выпрыгнуть из повозки, чтобы оказаться рядом. Бежал, будто верный пес на запах хозяина. Что это, как не влияние силы? Спасибо Нааррону, привел в чувство, не позволил натворить глупостей.

Кстати, о силе. Ее сейчас внутри было столько, еще чуть-чуть и захлебнуться в пору! Крэг едва сдержался, чтобы не сплюнуть на пол от досады. Тин Хорвейг расщедрился на добрый совет, оказал милость! Но хуже вдвойне то, что к нему и правда придется прислушаться. Нельзя отрицать, что Пасита говорил об этом не на пустом месте. Кулаки курсанта сжались: «Он... Да он же чувствует то же самое!»

Разозлившись, Крэг едва не стукнул по столу от досады: «Может, все, что нам снилось на троих, попросту его способ защиты от потери контроля? Вот такой странный способ, но чего еще ожидать от тин Хорвейга?»

Крэг, постарался отбросить неприятные воспоминания, вчера у него не было на них времени, а вот теперь картиной встали перед глазами нехстати. Как бы то ни было, нужно что-то делать. Пожалуй, идея остаться здесь на постой не так хороша, как поначалу показалось. Сколько еще он выдержит подобных ночей?

– Держись от нее подальше... – пробормотал он тихо и горько усмехнулся, уже умирая от тоски по вчерашнему вечеру.

«Может уехать к болотам, как и планировали? Подождать там в каком-нибудь поселении, а Нааррон с сестрой подъедут позже? – Этот вариант Крэг отмел сразу. – А если тин Хорвейг сорвется, кто тогда вступится за Киррану?». Никто не осмелится встать между ней и обезумевшим Защитником, если тот поддастся влиянию силы. Надеяться только на то, что имя тин Даррен станет для него преградой точно не стоит. Пасита всегда найдет себе оправдание, но для Киры будет уже поздно. Кроме того, Крэг хорошо расслышал слова Глафиры о том, что Кира залезла к Защитнику в постель. Значит ли это, что тин Хорвейг уже делал попытки и раньше?

На сердце стало тревожно: «Решено. Я остаюсь!»

Воздух в горнице раскалился, и Крэг понял, что не справляется со рвущейся на свободу силой. Стремглав он выскочил наружу, преодолел двор, отворил калитку и с размаху врезался в Паситу, вынудив того отступить на шаг.

– Молокосос! И куда же ты так торопишься?

– Не твое дело! – Крэг чуть не застонал от досады. Не хватало еще перед тин Хорвейгом опозориться.

– Проблемы с самоконтролем? – вкрадчиво поинтересовался тот, радостно улыбаясь.

– Чего тебе нужно? – Крэг намертво застрял в калитке.

– Кире пора на тренировку, – ляпнул, недолго думая, Пасита, хотя шел сюда вовсе не за этим.

– На тренировку? С тобой?!

– А здесь есть кто-то еще, кто после смерти Каррона подумал о том, что будет с девчонкой? Что-то Махаррон не поспешил на помощь внучке.

Крэг только молча сопел, но не мог не согласиться с доводами тин Хорвейга. Новички плохо контролируют силу и эмоции, и наставники днями гоняют их по плацу – у обессилевшего от нагрузки курсанта произвольных выплесков почти не бывает. Наконец, он нашел что ответить:

– Ты, конечно, прав, но твоя помощь плохо пахнет. Я бы даже сказал – смердит.

Крэг уже едва сдерживался. Потoki разбухли от нерастраченной энергии, узлы распались, узор искажался, заставляя его чувствовать себя, что тот же новичок. Еще никогда в жизни он не был таким сильным и бестолковым одновременно. Попробуй сфокусируй энергию при таком состоянии структуры потоков. Крэг по опыту знал – получится что угодно, но не то, что нужно.

– А я смотрю, тебя так и распирает, – усмехнулся Пасита и прищурился.

«Сартог дери! Ублюдок что, меня насквозь видит?!» – негодовал Крэг.

– Перестрой структуру по схеме четырнадцать. Не забудь дублировать компенсаторы, добавь дополнительные витки на узлах и живи счастливо. – Тин Хорвейг легонько щелкнул Крэга по носу, показав, что разговор окончен, и попытался пройти мимо, но тот будто врос в землю. Пасита вынужденно остановился и усмехнулся, глядя себе под ноги, потом поднял голову и с прищуром взглянул на противника:

– Значит, так?

Кира проснулась, когда за Анасташей тихонько закрылась дверь. Сладко потянувшись, она села на кровати и тут же прижала руки к пылающим щекам:

– О нет! – воскликнула шепотом и повалилась набок, утыкаясь лицом в подушку. Вчерашнее желание исполнилось в точности, и теперь она не знала, как показаться на глаза Крэгу, а учитывая вчерашние поцелуи в сенях... «На улице... В овине... Боги! Я же сама его туда привела! – Если прошлый сон еще можно было списать на коварство Паситы, то этой ночью, к ее великой радости, они с Крэгом были вдвоем: – Но что же он обо мне теперь подумает? Ой! А вдруг решит, что я блудница? Только не это! стыдоба-то какая!»

Ей приснилась ночь Киаланы, только на месте Люты с Ламитой были они с Крэгом. Одни во всем лесу, и никто им не мешал. Горестно застонав, Кира отняла лицо от подушки и обвела глазами маленькую спальню: «Пожалуй, сегодня не стоит и носа за дверь высовывать. Может, сказаться больной?»

Душевные метания прервал какой-то шум снаружи. Охотница сначала и внимания не обратила, погруженная в свои мысли, как вдруг раздался вопль Анасташа:

– Люди добры-ья-я-а!

Слетев с постели, охотница подскочила к окну. Что-то творилось за оградой, но через сугробы и плетень толком ничего нельзя разглядеть. Вот мелькнул цветастый платок Анасташа, и безотчетный страх за мать заставил похолодеть. Киррана стремглав выскочила наружу, чуть не сбив по пути сонного Нааррона. Тот, взлохмаченный, в одних домашних портах, почесываясь и зевая, как раз выполз из ее собственной комнаты.

– Ты ку...

Кира вихрем пронеслась мимо, выбежала в сени как была – босиком. Походя схватила платок, но даже и не подумала накинуть его на плечи.

– ...куда? – закончил ей в спину Нааррон и покачал головой, заботливо прикрывая распихнутую настежь дверь. – Иль случилось чего?

Адепт поспешил обратно в комнату и приник к окну. Босиком по снегу в одной лишь домашней рубаше, Кира пересекла двор. За калиткой виднелась Анасташа, на первый взгляд, тщетно пытавшаяся воззвать к голосу разума Защитников.

Пасита и Крэг дрались прямо на дороге. Дрались без затей и силы, просто обрушивая друг на друга мощные удары увесистых кулаков. У тин Хорвейга шла носом кровь, щедро орошая снег алыми брызгами. Скула его соперника припухла и наливалась багрянцем, глаз заплыл. Судя по состоянию сугробов вокруг, мужчины успели основательно повалять друг друга. Оба тяжело дышали, от разгоряченных дракой тел поднимался пар. Защитники успели скинуть верхнюю одежду и теперь радовали зевак играющими мускулами, которые не в состоянии были скрыть суконные поддевки. На улице едва рассвело, и свидетелями сего происшествия стали в основном управлявшиеся со скотиной бабы, да прочие ранние птахи, которых по какой-то причине не смогла удержать в объятьях теплая перина.

– Ой-ой! Поубивают же! – неубедительно, зато громко выкрикнула Анасташа, но осталась стоять на прежнем месте у калитки, с неподдельным интересом наблюдая за дракой. – Куда? – Она ловко поймала выскочившую Киру за локоть.

– Надо разнять! – мгновенно оценив происходящее, охотница без обиняков было направилась к дерущимся.

– Не лезь, дура! – буркнула мать, снисходительно поглядывая на отчего-то перепуганную дочь. – Еще и босиком вылетела, а ну в дом немедленно! – И тут же испустила новый вопль, чуть повернувшись в сторону: – Боги, что же это творится-то! – С удовлетворением отмечая, как на улицу высыпают все новые зеваки.

Кира не послушалась и осталась стоять рядом с матерью, лишь накинула платок на плечи под неодобрительным взглядом синих глаз. Защитники продолжали мутузить друг друга, и

Киррана вдруг осознала, что Крэг Пасите ни в чем не уступает. Он был очень искусен, ловко уворачивался и контратаковал. Она с легкостью узнавала знакомые чуть ли не с детства приемы и морщила лоб, отмечая совершенно неизвестные, которые, пожалуй, не ведал и Пасита.

Вот тин Хорвейг повелся на обманное движение. Пропустил удар и оказался на земле, но тут же взвился в воздух, поднимаясь на ноги и одновременно роняя Крэга. Тот не остался в долгу и, хитро извернувшись, достал соперника. Пасита снова упал, но на этот раз очутился сверху. Защитники, глухо рыча, будто псы, принялись кататься по снегу, нанося короткие удары, напрягая жилы, пытаясь подмять под себя одного другого.

Во время этой возни они перемещались все ближе и ближе, пока не оказались совсем рядом с калиткой, в нескольких шагах от Киры. Анасташа поспешно отскочила в сторону, подальше от дерущихся, и беспомощно взглянула на дочь, но та даже не пошевелилась. С лица Кирраны сошло то первоначальное перепуганное выражение, теперь ее глаза пылали гневом. Губы были плотно сжаты, и лишь природная пухлость не позволила им превратиться в тонкую полосу. Пальцы до побелевших костяшек сжимали края платка.

Наконец, Пасита не выдержал, его глаза зажглись пламенем. Зарывав, он впечатал в Крэга огненный шар приличных размеров. Курсант чудом успел поставить защиту. Брызги пламени разлетелись вокруг, с шипением погибая в проталинах.

– Хватит! – рявкнула Кира.

Оба Защитника вдруг ее заметили.

– Обуйся!

– Оденься! – гаркнули мужчины наперебой, и зло посмотрели друг на друга.

В этот момент из калитки появился Нааррон. Споткнувшись о порожек, он едва не упал, но устоял на ногах. В отличие от Киры брат был одет и даже не забыл про шапку. В руках он нес ее куртку и сапоги.

– Сестренка, чего ты раздетая выскочила? Холодно же! – Он протянул одежду.

Кира, не обращая на брата внимания, обожгла Защитников взглядом, забыв в этот миг и про сны, и про поцелуи. Чувствуя одно лишь безотчетное раздражение. Круто развернувшись, она направилась в избу. Вздернув подбородок, за ней поспешила Анасташа, не скрывая довольной улыбки. Нааррон посмотрел вслед женщинам, но остался, продолжая сжимать в руках ненужные куртку и сапоги.

Запал у драчунов внезапно закончился. Крэг тяжело поднялся на ноги, освобождая тин Хорвейга, который, несмотря на свое плачевное состояние и залитое кровью лицо, каким-то невероятным образом умудрялся выглядеть вальяжно, зачерпнул горсть снега и приложил к ушибленной щеке. Пасита прямо в сугробе принял сидячее положение, привалившись спиной к плетню. Вытер кровь и неожиданно радостно оскалился:

– А ты молодец, молокосос. Славная драка. – Он сплюнул кровь и пересчитал языком зубы, которые каким-то чудом остались на своих местах. – Давненько я так не развлекался.

– Я сам буду тренировать Киру! – хрипло выдал Крэг.

– А-а! – покачал пальцем тин Хорвейг. – Не угадал. Мы будем делать это вместе. А что? Тебе и правда есть чему ее научить. Я не против. Но вот наедине я вас не оставлю. – Пасита нехорошо сощурился, вспоминая принесенную спозаранку сплетню. – Да, жить ты перебираешься ко мне.

– С чего бы это? – возмутился Крэг.

– Ты следишь за мной, я – за тобой. Все честно.

– Крэг – мой друг, и он останется в моем доме! – вмешался было Нааррон, возмущенный таким раскладом, но Пасита его перебил:

– Сделаем ставки, через сколько дней молокосос отымеет твою сестру? Надеюсь, наше маленькое представление достаточно наглядно показало, что ни вам, не ей с ним не спра-

виться? Или, может, он попросту сожжет во сне вашу избу, потому что не сможет себя контролировать?

При этих словах Защитник припомнил горящие занавески в собственном доме, а курсант – раскалившийся, как от печи, воздух.

– Но... – адепт не сразу нашелся что ответить. – С чего ты это взял?

– Я здесь единственный, кто читал Книгу Излома, – тяжело вздохнул Пасита. – Пусть и не все понял, но достаточно, чтобы осознать опасность. Но так и быть, вам тоже объясню. Таких как мы, твоя сестра сводит с ума. Естественно, сама того не желая. Это как-то связано с ее силой. Она растет, а мы в ее присутствии теряем голову, не разбирая, где наши собственные чувства, а где наносное. Что с этим делать, я так до конца не понял. Молокосос, ты согласен?

Крэг хмурый, как снеговая туча, размышлял, уставившись себе под ноги. Наконец, он поднял голову:

– Меня зовут Крэг. Пора бы запомнить, тин Хорвейг, раз ты такой умный.

– Я постараюсь, – покладисто улыбнулся Пасита, – но иногда буду сбиваться. Уж очень ты меня раздражаешь. – Он, на удивление, легко поднялся на ноги.

Крэг не ответил. Хлопнув по плечу Нааррона, прихрамывая, двинулся прочь.

– Скажи Кирране, тренировка завтра, где обычно, – бросил Пасита и направился следом.

Кира ожесточенно резала морковь. Лезвие ножа мелькало, и тонкие полупрозрачные пластики множились как по волшебству. Нааррон некоторое время заворуженно наблюдал за процессом, втайне опасаясь, как бы сестра не отрезала себе пальцы. Та же сидела, уставившись в одну точку, и совершенно не интересовалась происходящим, пока ее руки жили своей жизнью. Анасташа, хитро поглядывая на дочь, помешивала похлебку в большом чугушке на печи.

– Расстроилась? – Нааррон присел рядом на лавку.

– Нет! – Кира встрепенулась, но тут же сникла: – Да, пожалуй. – Она выразительно глянула на мать, показывая брату, что не хочет говорить об этом при ней. Покончив с морковью, поднялась: – Что-то неважно себя чувствую. Пойду-ка, прилягу. – Не дожидаясь ответа, Кира направилась к себе, забыв, что теперь там обитают гости.

Брат тихонько скользнул следом.

– Все-таки расстроилась, – подытожил он, наблюдая, как Кира, отвернувшись, смотрит в окно.

– Понимаешь, – она замолчала, пытаясь подобрать слова. – Впервые кто-то мне так сильно понравился, что я смогла забыть обо всем. Смогла, наконец, почувствовать себя просто девчонкой, а не охотницей Кирой – девкой со странностями. Но как недолго мое счастье продлилось! Крэг... Он с такой легкостью ушел из нашего дома. Я не понимаю, что теперь делать? Чувствую себя... А, знаешь, я ведь даже ни с кем раньше и не целовалась толком!

В этот миг словно внутренний голос подсказал: «Микор? – Все, что происходило между ней и другом – не больше, чем детские шалости. Пожалуй, только его прощальный поцелуй и можно было воспринимать, как что-то серьезное. Сейчас Кира это понимала как никогда. – Пасита? – Она невольно смутилась. С Защитником все было совсем по-другому: – Еще как настоящему! – Только вот к его поцелуям всегда примешивалась такая порция страха, что и понять ничего толком не было можно. – Но не говорить же об этом с братом?»

– А как же Пасита? – спросил Нааррон, будто подслушав ее мысли. – Если не хочешь не рассказывать. – Он предупредительно поднял ладони. – Просто я не до конца понял, что у вас с ним за отношения.

– По договору, – мрачно рассмеялась Кира. – Знаешь, временами мне казалось, что встретиться мы при других обстоятельствах, в него можно было бы влюбиться по самые уши, без памяти, теряя рассудок, но... В деревне обо мне думают всякое, но отчего-то он меня до сих пор не тронул, ты только Глафиру не слушай! – Охотница справедливо предположила, что

Глашка позвала вчера брата именно затем, чтобы и дальше чернить ее имя. – Пасита и правда много времени на меня потратил. Уроки, тренировки... Порой, я забывала, какой он на самом деле. Понимаешь, я вынуждена быть ему благодарной.

– Неужели тин Хорвейг способен научить чему-то хорошему? – не сдержался от скептического высказывания Нааррон.

– Хочешь, я перечислю тебе дворянские роды Великого Княжества Яррос?

– И это ты называешь хорошим?

– Пожалуй, нет. – Они рассмеялись. – Но ведь и правда, эти знания мне еще могут понадобиться?

– Даже не сомневайся, – адепт приобнял сестру за плечи.

– А ты, когда вернулся? – внезапно спросила Кира.

– Поздно. Ты, наверное, уже спала. – Нааррон разволновался. Как-то не вязалось то, что говорила про Глафиру сестра, с той девушкой, которая дарила ему себя без остатка этой ночью, тут надо все крепко обдумать. – Я, пожалуй, пойду. Ты отдыхай.

Когда дверь за братом закрылась, Кира бросилась ничком на свою постель, которая, к слову сказать, осталась неприбранной. Она совершенно не подумала, что до нее тут спал Крэг, и теперь запах его тела безжалостно оживил в мозгу воспоминания о вчерашних поцелуях, невольно возвращая мысли к тому, что сегодня приснилось. Картинка перед глазами явилась как живая, и Кире даже стало неловко.

– Боги! Да что же это такое?! – Она зло швырнула подушку в стену.

Глава 4

1.

Кира едва не расплакалась, но не в ее обычаях было долго грустить, а уж тем более предаваться хандре лежа среди бела дня в постели. Она же не барышня какая? Особенно если эта самая постель благоухает тем, из-за кого весь сыр-бор и начался. Еще пару мгновений охотница немигающим взглядом тарачилась в стену, а затем тряхнула головой и вскочила. Стащила одеяло, зло сорвала с широкой лавки простыню, подняла злополучную подушку с пола и сняла с нее наволочку. Мысленно порадовавшись, что сложенные на сундуке в углу шкуры Защитнику Крэгу не понадобились, собрала все в охапку и вынесла в сени.

«Белье – в стирку, одеяло – на мороз! И чтобы и духу этого предательского больше в избе не было! Это же надо вот так просто развернуться и уйти!»

Развешивая свежевывстиранное белье на веревке, снова шмыгнула носом, вспомнив, как впервые в жизни таяла вчера в крепких объятьях, как трепетало сердце от жарких поцелуев, как сворачивался тугой комочек в животе, требуя большего. Как это самое большее пришло к ним во сне...

– А ну хватит! – рявкнула Кира сама на себя.

Но и на стирке она не остановилась. Топая по деревянному полу, громче, чем нужно, принесла воды из колодца. Прихватила веник и тряпку и принялась убирать комнату под удивленным взглядом Анасташа, которая мудро ничего не спрашивала, лишь украдкой улыбалась, закусывая губу, чтобы не рассмеяться. Покончив с уборкой, Кира почувствовала себя немного лучше, но обида на Крэга продолжала червем точить сердце, и охотница не знала, что же еще сделать, чтобы не завывать волком. Такого с ней раньше не случалось, а оттого было вдвойне сложнее с собой совладать. Решение пришло незамедлительно, стоило на мгновение отвлечься от грустных мыслей и сосредоточиться.

– Ой, дырявая же моя голова! И как только не подумала об этом сразу?

Пасита объяснял ей, что медитация помогает обрести покой и справиться с эмоциями, от которых зависит контроль над силой. Сила все еще была неподвластна Кире, несмотря на все старания Защитника, и толком она не понимала, как это, когда она выходит из-под контроля. Зато с медитацией был полный порядок: «То, что боги велели!»

Охотница уселась на пол, скрестив ноги. Выпрямила спину. Несколько раз глубоко вздохнув, опустила веки. Некоторое время ничего не происходило, но вскоре пред ее внутренним взором начала проявляться заснеженная равнина...

– Кира, айда завтракать! – В приоткрытую дверь заглянула Анасташа. – Ох! А чегой-то ты на полу расселась? Вставай! Застудиться еще не хватало! Ты как детей рожать собираешься?

Мать исчезла раньше, чем Кира успела ответить, что застудиться, сидя на полу в избе, ей вряд ли грозит, но заснеженной равнины уже как не бывало. Глубоко вздохнув, она снова закрыла глаза. На этот раз потребовалось чуть больше времени, чтобы отключиться от мыслей. Анасташа сказала про детей, и Кира вдруг задумалась, что будет, когда она окажется в Ордене? Это же что получается, ей теперь нельзя замуж?

«Даже если и так, за мной очередь из женихов небось не выстроилась, вот и нечего расстраиваться!» – Отогнав пришедшие не ко времени мысли, охотница заставила себя сосредоточиться вновь.

– Ой, ты еще здесь? Медитируешь? – Это вернулся Нааррон. – Иди поешь, похлебка удалась на славу! – Брат поднял большой палец.

– Не голодна я!

Ответ получился, грубее, чем хотелось.

– Как знаешь.

Дверь за братом закрылась, и Кира устало вздохнула.

– Кстати, – Нааррон вновь появился на пороге, – забыл передать. Пасита сказал, чтобы приходила завтра тренироваться.

Кира кивнула и раздраженно поднялась с пола, понимая, что так ей успокоиться точно не удастся. Прихватив с вешалки свою куртку и шапку, сунула ноги в сапоги и вышла в сени, а вскоре, подгоняя радостную Полночь, проскакала в сторону овинов, направляясь на поросший соснами холм.

2.

Впереди показался старый дуб с заснеженными ветвями и почерневшим от огня стволом, а за ним и дом, где обитал тин Хорвейг. Крэг внезапно остановился как вкопанный, подумал: «Ушел, ни слова не сказав про то Кире! Был занят своими мыслями, а потом потасовкой. Что она обо мне подумала?»

– Я идиот! – воскликнул он в голос.

– Только сейчас дошло, молокосос? – отозвался тин Хорвейг и с ухмылкой прохромал мимо.

«А бодрости-то в нем поубавилось, – не без удовольствия отметил Крэг. – Похоже, рисовался больше перед деревенскими». Мысль принесла чувство удовлетворения от содеянного и толику гордости. А что? Безнаказанно накостылять одному из самых сильных Защитников и отпрыску знатнейшего рода – дорогого стоит.

«Вот только безнаказанно ли?»

Отвечать на обидное прозвище курсант не стал, просто развернулся и пошел в обратном направлении.

– Эй! А ты куда это собрался?

– Тебе-то что?

– Никуда ты не пойдешь!

– Тебя вот только не спрошу.

Пасита хотел было возразить, но передумал.

– Добро. Идем вместе, – он изобразил радостную улыбку, и у Крэга снова появилось непреодолимое желание пересчитать эти ровные зубы.

Курсант недоуменно взглянул на тин Хорвейга:

– Мне провожатый не нужен, я вроде не дите.

– А ты думал, я тебя одного пушу? И не надейся.

Крэг было шагнул вперед, но уперся плечом в плечо Паситы – тот преградил путь.

– Уйди с дороги, тин Хорвейг!

– Остынь! Думаешь, я не понял, что ты собрался к ней? Уверен, что сможешь себя контролировать? Знай, я больше не стану щадить твое самолюбие, размахивая кулаками.

Крэг поиграл желваками, прислушиваясь к себе. Потасовка помогла спустить пар, но возросшая сила уже снова бурлила, грозя вырваться наружу.

– Перестрой потоки, прежде чем приближаться к девчонке! Если ты ее хоть пальцем тронешь, будешь Излом караулить. На дне.

Тин Хорвейг развернулся и, не оглядываясь, пошел в дом. Как ни прискорбно, но ублюдок снова был прав. Курсант, чуть помедлив, уныло побрел следом, разрываясь между желанием вернуться и все объяснить Кире и страхом действительно навредить ей.

«Наверняка она расстроилась. Может, даже и обиделась. – Тут Крэга будто жаром обдало, и этот жар не имел ничего общего с силой. – Ну, конечно же, она обиделась! А кто бы не обиделся?»

Решено. Сейчас он приведет себя в порядок и пойдет объясняться: «Сила тому виной или нет, но Кира мне нравится».

Медитация помогла, прав был тин Хорвейг. Схему потоков Крэг перестроил, и теперь нигде не бурлило, не выпирало и не рвалось наружу. Странные, надо сказать, ощущения. Раньше ему такое испытывать не доводилось. Хотя его дар во время учебы и рос, неудобств это не причиняло. По-хорошему, ему бы стоило даже порадоваться.

«Ну вот, теперь можно и к Кире наведаться», – курсант краем глаза покосился на Паситу. Тот все еще медитировал.

– Куда собрался, молокосос? – раздалось над ухом, когда он снял с вешалки куртку.

– Меня зовут Крэг. У тебя девичья память, тин Хорвейг?

– Не жалуясь. Могу вот перечислить поименно отпрысков всех знатных родов Ярроса, но тебя среди них нет, прости.

– Уж сделай исключение, будь милостив. Я ведь не зову тебя ублюдком.

Тин Хорвейга в Ордене многие так звали за глаза. В их роду Защитники рождались редко, они больше славились своими мудрецами. Паситу родила сестра Настоятеля Затолана, имя отца ребенка они хранили втайне, но ходило много сплетен. Крэг пожалел о сказанном, не время для новой ссоры.

Глаза Защитника на мгновение сузились, но он только улыбнулся:

– А ты попробуй как-нибудь.

Как ни хотелось курсанту устать гада, но с его происхождением волей-неволей приходилось считаться. «Агилон стар. Что, если вместо него брат Затолана тин Хорвейга станет Настоятелем Южной башни? Тогда сошлют меня к Излому и точка...»

Не продолжая разговора, Крэг вышел на улицу и направился напрямик к дому Киры, с облегчением отметив, что тин Хорвейг не потащился следом.

3.

Кира влетела на поросший соснами холм и резко натянула поводья. Красавица Полночь взвилась на дыбы, протестующе заржав. Бешеная скачка разгорячила кровь и одновременно выветрила из головы печальные мысли. Охотница соскочила на снег и повела лошадь в поводу, давая остыть. Сделав несколько кругов по утоптанной площадке, не стала стреноживать и отпустила. Осмотревшись вокруг, скинула шапку и решила взяться за дело как следует.

Плавные, текучие движения, настраивали на нужный лад. Сосредоточившись на точности их исполнения, Кира думать забыла об обидах, да и раздражение ее покинуло. Она практически танцевала, легкой снежинкой кружась над утоптанной площадкой. Казалось, в такт ее движениям в голове сама по себе рождалась волшебная мелодия. Кроме состояния восторга и свободы, ничего не осталось, хотелось вспорхнуть и полететь соколом, и чтобы холмы и вершины сосен стрелой проносились где-то внизу. Закончив, охотница едва успела закрыть глаза, приняв позу «цветущего лотоса», как пред внутренним взором уже в третий раз за сегодня расстелилась заснеженная равнина...

4.

Крэг, стоя на крыльце у двери в избу Киры, размышлял: стучать или нет? С одной стороны, постучать было бы вежливо, а с другой: ну как тогда на порог не пустят? Поговорить он вознамерился твердо, а потому решил на дерзость: «Вот за все разом и попрошу прощения, а там пусть уж хоть и вашей вытолкают». Представив, как хрупкая, но строгая Анасташа его выгоняет наружу, охаживая полотенцем, Защитник улыбнулся и толкнул дверь. В сенях вспомнились податливые губы Киры, ее упругое тело и блестящие в полумраке глаза, и он едва не застонал от досады: «О боги!»

Анасташа с Наарроном сидели за столом.

– Здрав буде, господин Защитник! – хозяйка поднялась навстречу. Прозвучавшее в голосе женщины веселье, несколько обескуражило. – Садись отобедай с нами. Сын сказывал, что ты теперь будешь у Защитника Паситы на постое? Так это ничего. Ты к нам-то захаживай, хоть и на ужин. Да и на завтрак тоже. Мы такому гостю всегда рады.

– Спасибо. – Крэг не выдержал пристального взгляда синих глаз и поклонился Анасташе в пояс. – Не голоден я, матушка. Мне бы с Кирой поговорить.

Анасташа изогнула бровь, в ответ на непривычное обращение, но ничего не сказала. Вместо нее ответил Нааррон:

– А Киры нету.

– А где же она?

– Гневалась она на тебя, не скрою. – Анасташа внимательно оглядела курсанта. — Ускакала верхом, а куда – про то и не ведаю. Своенравная она у меня.

Не успел Крэг пожалеть о потерянном в суматохе коне, который, скорее всего, стал добычей для Стаи, как Нааррон радостно встрепенулся:

– Нашли! Ветра нашли и Ромашку! Парень из местных обоих привел, да ругался сильно, что без присмотра лошадок оставили. Все цело: и кони, и сбруя, и седельные сумки. Его Лютобором зовут, надо бы отблагодарить.

Когда Крэг проезжал мимо овинов, в груди снова екнуло, а по спине пробежали мурашки. Защитник удивлялся, отчего так? Не раз он, выскальзывая на рассвете из постели очередной красотишки после бурной ночи, не помнил даже ее имени, а тут и всего-то целовались, а сколько терзаний! Неужто и правда дело в силе?

От дороги вправо отходила заметенная тропинка, которая, извиваясь, взбиралась на холм. На ней отчетливо виднелись свежие следы подков – кто-то свернул здесь с дороги. «Она, больше некому», – подумал Крэг. Вершина холма была обрывистой с этой стороны, потому тропа сворачивала, огибая его по склону, и исчезала в ельнике. Курсант натянул поводья, а вскоре и вовсе спешился, внезапно разволновавшись перед встречей.

«Сейчас, вот, пройдуся, настроюся на разговор...»

В лесу тропа делала крутой поворот и выводила на плоскую вершину. Деревья расступились, и он сперва увидел вороную лошадь Киры, а потом и ее саму. Девушка сидела по центру площадки, окутанная дымкой голубого сияния. Вокруг в воздухе висели сонмы снежинок, будто подхваченных порывом ветра, да так и застывших на месте.

– Что здесь происходит?!

Выпустив повод, Крэг направился к ней, едва сдерживаясь, чтобы не бежать. Прислушавшись к себе, курсант ощутил, как схлынувшая было сила всколыхнулась, забурилась по венам, наполняя доверху потоки. Похвалив себя за то, что послушал тин Хорвейга, он чуть прибавил, преодолев расстояние в одно мгновение. Киррана сидела к нему спиной. Крэг осторожно обошел и опустился перед ней на колени. Опасения подтвердились. Вид Киры ничем не напоминал умиротворение во время медитации. Глаза плотно закрыты, зрачки под посиневшими веками непрерывно дергаются. Губа до крови закушена. Лицо кривится, будто от боли, да и поза какая-то неловкая, напряженная.

– Кира, очнись! – Курсант протянул было руки, но, едва коснувшись сияния, резко отдернул – сработал инстинкт самосохранения: – Кира, миленькая, открой глаза!

6.

Кира пролетела над вершинами покрытых снегом холмов, пересекла извивающееся русло Широкой и понеслась над гладкой как стол степью, испещренной скальными выступами, редкими рошицами и темными пятнами сартогских стойбищ. Сделав плавный разворот, она стремительно снизилась. Пейзаж смазался и замелькал, как ополоумевший – от такой скорости. Аж дух захватило! Восторг переполнял и заставлял душу петь. Она то порхала ласточкой, то падала коршуном вниз, чтобы пронестись, едва не касаясь земли и вновь взмыть высоко вверх, к самому небу.

Но вдруг что-то случилось. Белоснежное покрывало осталось позади, сменившись бурой равниной, а впереди у горизонта клубилась какая-то дымка. Внезапно Киру одолела безотчетная тревога. Она хотела было остановиться, но не смогла. Ее тянуло туда, будто на сартогском

аркане. Гроном среди ясного неба пришла мысль – Излом! О нем она, как и любой житель Княжества, слышала много. А как та, чья жизнь прошла в Приграничье, еще больше. Опять же что-то дядька Боян сказывал, что-то отец, но она и не представляла, какой он на самом деле. Отсюда сверху Излом казался уродливой нарывающей раной, будто кто вспорол кожу тупой пилой, да так и оставил гнить без лечения. Протянулся он откуда-то с востока из степи и до самого горизонта на севере. И по виду вроде овраг не овраг, да только дна не углядеть – скрыто в тумане, и в ширину не меньше Широкой. Да и не столько его вид вызывает отвращение, сколько исходящий от него ужас.

Как не старалась охотница вырваться и улететь прочь, но будто держал кто, да затягивал. Она попробовала закричать, но бестелесная оболочка не позволила издать ни звука. Внезапно движение ускорилось, и Кира осознала, что падает прямо в самое сердце ядовитого тумана. Стало так страшно, что показалась – вот она смерть. Следом пришла другая мысль: «А умереть-то, может, и лучше». Проносья через мутные зелено-бурые клубы, охотница потеряла ориентацию, не понимая, где верх, а где низ.

«Боги, помогите! Керун! Киалана!» – Кира страстно возжелала спастись, и ее тут же окутало голубоватое сияние. Даром что сама она не то призрак, не то бесплотный дух. Вспомнился разговор об отце. Излом выпил его силы, и он умер, а что же будет теперь с ней?

В это время падение плавно прекратилось, и она оказалась на самом дне, зависнув над прозрачной и гладкой, что лед на озере, поверхностью. Видела она лишь на несколько шагов вокруг, туман не приближался к защите, но и не позволял ничего рассмотреть. Внизу под ногами, если бы они у нее сейчас были, метались какие-то тени, будто сомы в мутной воде. Почуввав присутствие живой души, устремились со всех сторон к месту, где Кира находилась. На прозрачную преграду снизу обрушились сотни ударов. Охотница не слышала ни звука, но могла поклясться, что они издают неслышные вопли, от которых ноют зубы. Внезапно где-то вдалеке раздался небывалой силы удар. Затем еще один. Казалось, он встряхнул само мироздание. И вот теперь-то стало страшно по-настоящему.

По прозрачной поверхности зазмеилась трещина. Медленно разрастаясь, зигзагами выползла из тумана, и не было ясно, где у нее начало, но проверять Кире совсем не хотелось. Новый удар, и трещина увеличилась еще на целое коленце. Охотница даже предположить боялась, что или кто рвется наружу, но чувствовала, встретиться с ним – и смерть точно покажется самым желанным, что есть на свете. Нечеловеческим усилием Кире все же удалось вырваться из ловушки. То, что удерживало, будто отпустило. Преодолев туман, она взмыла в воздух и полетела на юг, стремительно набирая скорость. Охотница больше не резвилась и не играла, она спешила туда, где осталось ее беззащитное тело.

7.

Внезапно сияние, окутывавшее Киру, погасло, и она с громким всхлипом открыла глаза, в которых еще плескался отблеск силы. Лицо девушки исказил такой ужас, что Крэг почувствовал непреодолимое желание хоть как-то помочь. Он обнял ее, прижал к себе, зашептал ласково, успокаивая, глядя по голове и осторожно целуя мокрое от слез лицо.

– Кирочка, Кира. Девочка моя, все в порядке! Все хорошо. Я здесь. Я с тобой. Я не дам тебя в обиду.

Тонкие пальцы вцепились в него до боли, мелкая дрожь сотрясала все ее тело. Кира прижалась к груди Крэга так сильно, будто желала слиться, и он обнял ее еще крепче, умирая от желания защитить. Хоть что-то сделать, чтобы ей стало лучше. Внезапно Кира обернулась и настороженно уставилась куда-то вдалеку на северо-восток. Затем взглянула прямо в глаза и выдохнула:

– Излом! – Тут силы девушку покинули.

Обмякшую, Крэг подхватил ее на руки. Кира все еще была без сознания, когда он прискакал к дому Защитника. Торопясь, внес внутрь. Пасита вскочил из-за стола, в его глазах отра-

зилась тревога, граничащая с ужасом. Он подлетел и буквально выхватил девушку. Бережно, будто драгоценную, уложил на кровать. Подчинившись порыву, погладил тыльной стороной руки по щеке, а потом развернулся и, не говоря ни слова, нанес удар. Курсант не ждал, а потому не успел отреагировать.

– Какого сартога? – Он потрогал пальцами разбитую губу и зло уставился на обидчика. Пасита схватил его за грудки.

– Что ты с ней сотворил, молокосос?! – Рычание перешло в надсадное шипение. В комнате стремительно нагревался воздух.

– Остынь, идиот! Это не я!

Казалось, Пасита не понимает, о чем он. Его кулаки окутало пламя, и Крэг на всякий случай приготовился к нешуточной драке, но все же рывкнул:

– Не время для склок! Там на холме с ней что-то произошло! Что-то странное.

Тин Хорвейг с видимым усилием погасил огонь и уселся на пол прямо там, где стоял. Курсант было хотел возмутиться, что тот не вовремя решил помедитировать, как вдруг сообразил, Защитник просто не в состоянии с собой справиться: «Каково ему приходится, если даже я силой захлебываюсь?»

Но тут Пасита – силен, зараза! – открыл глаза и коротко бросил:

– Рассказывай!

Крэг вновь не смог не восхититься его выдержкой: «Это же надо медитирует и разговаривает одновременно!»

– Я нашел ее на холме...

Кратко поведав о произошедшем, курсант закончил и бросил взгляд на Киру. Пасита поднялся с пола и подошел ближе. Присмотрелся попристальней.

– У нее почти не осталось силы. Будто выпил кто все.

– Что? Я не ослышался? Тин Хорвейг, ты видишь чужие потоки?

Умение это было столь редким, что лишь несколько наставников, да далеко не все Настоятели им владели. Пасита многозначительно посмотрел на Крэга, обдав превосходством. На самом деле этот номер у него выходил только с Кирой, да и то, потому что у девчонки серьезный потенциал, а прикрываться она попросту не умеет, но не трепать же об этом каждому встречному?

– Излом. Она про него говорила. – Крэг почесал в затылке. – Но разве это возможно? Чтобы он тянул силу на таком расстоянии? Тебе не приходилось слышать о подобном? – Пасита отрицательно мотнул головой. – И в этой самой Книге Излома не встречалось? – не унимался Крэг.

– Может, и встречалось, да я не понял. Я что тебе, мудрец, в конце концов? – Защитник явно злился.

– Еще и этого не хватало! – не сдержался Крэг. Его и без того задело, что у Защитника столько необычных талантов.

Пасита понимающе усмехнулся.

– Приведи ее брата, да поскорей. Надеюсь, он сможет помочь. Да ничего я ей не сделаю! – добавил он, видя, что Крэг не торопится. – Или боишься, что у нас тут свидание без тебя наметится?

8.

Кира очнулась из-за отголоска кошмара, в котором пыталась скрыться от невидимой твари. Та шла следом, и охотница бежала, всеми силами стараясь вырваться из липкого забвения. Она цеплялась за воспоминание о ком-то большом и сильном, от кого веяло покоем и безопасностью. Он обещал помочь и защитить – она запомнила, а сейчас вдруг почувствовала рядом с собой эту силу. Без раздумий потянулась навстречу, в надежные объятья, прижимаясь крепче, бессознательно, будто ребенок, которому приснился страшный сон, прижимается к

матери. Почувствовала, как ее спаситель замер на мгновение, а потом на спину легла большая рука, погладила, вырвав из уст тихий стон облегчения.

– И что же тебя могло так напугать, что ты ищешь защиты у меня на груди?

Кира отшатнулась, осознавая, что это Пасита тин Хорвейг.

– Ну вот, а я было обрадовался... – разочарованно протянул Защитник, нехотя выпуская ее. Он даже разочарованно вздохнул.

Глаза отчего-то жутко болели и слезились. Охотница, шурясь и прикрываясь от света руками, едва смогла рассмотреть две размытые тени. В одной из них она все же опознала брата:

– Нааррон?

Долговязая тень тут же метнулась к ней:

– Как ты сестренка?

– Не знаю. Глаза болят, и мне очень страшно.

В жарко натопленной горнице с тремя дружественно настроенными мужчинами это прозвучало не так уж неубедительно: «Что, если все это кошмар и не более, а я тут панику развела, да еще и к Пасите обниматься кинулась. Тьфу, стыдобища!»

– Замри! – От ладоней Нааррона полилось золотое свечение.

Чуть позже вечером Кира, согретая и напоенная восстанавливающим отваром, мирно спала, забыв обо всех тревогах. От мужчин и света лучины ее отделяла тонкая занавеска – на ней настоял брат, устав от взглядов, которые без конца бросали в сторону сестры оба Защитника. Кира рассказала о том, что произошло, и теперь они держали совет.

– Нужно как можно быстрее отвезти сестру в Орден, – Нааррон со всей серьезностью отнесся к услышанному. – Если Излом и правда пробудился, где как не в Ордене Киррана будет в большей безопасности? Укрепленные силой стены, несколько сотен Защитников, дед.

– По моим расчетам, выходить следует не раньше, чем через две-три седмицы. Если повезет, у болот отыщем провожатого, который переведет нас через топи до того, как станут проходимыми основные пути. Слышал, местные там круглый год шастают по гатям. А Киру до тех пор нельзя оставлять без присмотра.

– Я буду ночевать с ней в одной комнате, смогу выдернуть из транса, если подобное снова случится, – тут же отозвался Нааррон, и Защитники согласно закивали.

– Ну а днем будем заниматься, – обрадовался Пасита. – Здесь сколько учителей собралось. Молокосос, ты вот что еще умеешь, кроме как кулаками махать?

Глава 5

1.

«Я здесь уже чаще, чем дома ночью! Будет деревенским, о чем посудачить, – Кира усмехнулась, осознавая, теперь это ее совсем не трогает, а вот что действительно беспокоило, так это Излом: – Может, мне и правда все привиделось? Боги, хоть бы привиделось! – Охотница тихонько спустила ноги с постели, и осторожно выглянула из-за задернутой занавески: – Хм, не припомню, чтобы вчера она тут была».

Как и в прошлый раз Нааррон расположился на лавке под окном и сейчас еще сладко спал, приоткрыв рот и мерно посапывая. Защитников в горнице видно не было. Судя по неверному свету, пробивающемуся сквозь замороженное окно, утро уже наступило. Вчера она, рассказав о своих злоключениях мужчинам, очень быстро уснула. К великому облегчению, совсем без сновидений. Но, несмотря на вчерашнюю слабость, сейчас охотница чувствовала себя прекрасно.

«Нужно подумать...»

Она вернулась и присела на краешек постели. Все же бесплотное путешествие действительно произошло взаправду, и всему виной ее сила. Как-то странно и непривычно было осознавать, что у нее эта самая сила – есть, и она невольно сумела ее вчера использовать. Кира опасалась, что подобное может случиться вновь. С одной стороны, радостно, что не избу спалила, но и оказаться в Изломе, того не желая, сомнительное удовольствие.

– Ну уж нет!

Идея пришла сразу, навеянная местом, где она сейчас находилась: «А что, если поступить, как со снами? Матренино снадобье помогает хорошо, стоит попробовать пить его не только на ночь. Решено. Надо наведаться к знахарке как можно быстрее. Да вот хоть и прямо сейчас. – Кира снова подошла к занавеске и выглянула. Брат спал все в той же позе и, похоже, просыпаться не собирался. – Видать, мужики допоздна вчера засиделись». Памятуя, что Защитники расположились в сених, в отгороженном закутке, аккуратно под боком у еще теплой печки, охотница на цыпочках подошла к выходу, сняла с крюка куртку, взяла в руки сапоги. Крадучись выскользнула наружу, тихонько притворив дверь за собой. Уже хотела выйти на крыльцо, как вдруг замерла, услышав голоса.

– Я только посмотрю.

– Нечего смотреть. Спит она.

– Вот и проверю, – настаивал Крэг.

– Я сказал, не смей! – Пасита повысил голос. – В тебе сила говорит. Хочешь скажу, что именно? Пойди, возьми, защити, огради, сделай своей и только своей, уничтожь всех, кто мешает... Мне продолжать?

Кира не заметила, как оказалась у маленькой дверки, превратившись в слух: «Это они о ком же? Неужто обо мне?!»

Мужчины замолчали, но не успела она прийти в себя от услышанного, как Пасита заговорил снова:

– Ты и правда решил, что влюбился? Без глупостей, молокосос, но ты же Защитник. Не думаю, что для тебя сложно охмурить женщину. Выбери любую, в этой деревне их пруд пруди. Ты вон здоровенный какой, да и рожа смазливая. Они и сами рады будут, ты ж не я. – Он коротко хохотнул. – Да вот хоть бы и Глафира. Меня она больше не интересует, а девка красивая. Вы будете хорошо смотреться. Да и все, что надо, умеет. Я успел научить. Зачем тебе понадобилась Кира? Это ведь все из-за силы, она у нее – иная, лишает нас рассудка.

– А что насчет тебя, тин Хорвейг? – Крэг проигнорировал обидное прозвище и неприличное предложение.

Кира затаила дыхание, в надежде услышать, слова Паситы. Отчего-то она сомневалась, что ответ ей понравится, но предупрежден, значит, вооружен. Раздался тихий смешок.

– Да ты любопытен не в меру! Знай одно, я тебе ее не отдам. Ни тебе, ни кому другому. И да, я тоже схожу с ума, не меньше твоего, но держу себя в руках.

– Неужто влюбился? – передразнил его Крэг с деланным удивлением.

– Я тебя предупредил. – Голос Защитника прозвучал жестко, заставив Киру поежиться.

В сенях резко похолодало, или ей это только показалось? Охотница решила, что услышала достаточно и тихонько на цыпочках вышла на крыльцо. Натянула сапоги, накинула куртку. Полночь обнаружилась в стойле. Оседлав ее, Кира направилась напрямик к знахарке. Радуюсь, что дом Защитника стоит на площади и не огорожен, она вскочила на лошадь и галопом вылетела на дорогу. На крыльце возник Крэг и что-то закричал вслед, Кира сделала вид, будто не заметила. Разволновавшись, она едва не сбила с ног дородную тетку Алексу. Та, грузно переваливаясь, несла ведра на расписном коромысле. Вода плеснула через край и вслед донеслось:

– Совсем сдурела! Вот я матери-то скажу!

Осадила Кира лишь у Матрениной калитки. Заскочив на двор, затарабанила в резную ставню.

– Кто это там в такую рань? – раздалось ворчание из приоткрывшейся двери. Впрочем, Матрена не выглядела сонно, она уже была одета и явно давно на ногах. – Кира? Случилось что? – Тон женщины разом изменился. – Да входи же, не стой столбом!

– Матрена, помощь мне твоя надобна.

– Ой неужто ирод этот... – всплеснула было знахарка руками, и Кира едва не топнула от досады.

«Как же надоело! Будто все только и ждут, пока Пасита меня обрухатит!»

– Нет-нет! Мне другое зелье надобно.

– А-а, то от ночных страстей, значит, которое? – Кире показалось, что в голосе знахарки промелькнуло легкое разочарование.

– Оно самое. Да еще совет.

– Ну?

– А если его днем принимать, что будет?

– А что же, тебе теперь и наяву сны снятся?

Кира не собиралась пугать женщину и рассказывать ей про Излом и свое видение.

– Нет! Но если как-то можно заглушить силу...

– Тс-с! – испуганно зашипела Матрена. – Храни тебя Киалана! Никак дурное замыслила? И думать забудь! Пасита с тобой и без мощи своей совладеет, тебе ли не знать? Разве что спящему глотку умудришься перерезать. Но ты о матери подумай, что с ней тогда станется? За убийство Защитника Князь всю деревню изведет.

Кира подивилась такой кровожадности, и немного досадно стало, что ей подобное самой в голову не пришло.

– Матрена, что ты! И в мыслях не было! Я для себя прошу.

– Ах, для себя? – Казалось знахарка в растерянности. – А тебе-то на кой такое снадобье?

– Сила шалит, не справляюсь я. Не знаю толком как. Боюсь, чтобы беды не вышло. – Охотница почти не соврала, но и всей правды тоже не открыла.

– Ой, дочка, мощь у тебя и впрямь великая. По деревне до сих пор всякое болтают. И что волков ты по берегу раскидала, да и самим Защитникам досталось. А уж про то, как вожак явился, так чего только не насочиняли!

Кира пожалала плечами, всем видом показывая, что не ведает, как это все могло произойти.

– Мне бы зелье или отвар, чтобы сила присмирела и спряталась, будто ее и нет вовсе. Ну так что, знаешь такое?

Матрена крепко задумалась, наморщив лоб, почесала пальцем под косынкой. Прибрав прядь выбившихся седых волос, что-то забормотала себе под нос, совершенно непонятное:

– Та-ак... Разрыв связей... парис мелантиас? Нет лучше квадрифолия... Доза? Храни Киалана, что творю?

– Что? – переспросила Кира.

– Ничего! – вдруг рявкнула знахарка. – Узнает еще кто! Молчок про это, понятно? И про силу, и про зелье. Чтобы не одна живая душа!

Кира удивленно закивала.

– Ни Защитники, ни братец твой новоявленный про зелье мое знать не должны! – не унималась та.

– Никому не скажу. Керун свидетель!

– Завтра вечером приходи.

– А пораньше никак? – Тяжелый взгляд знахарки послужил достаточным ответом, чтобы пропало желание настаивать. – Хорошо. Спасибо тебе, Матрена. Храни Киалана твой дом. – Кира поклонилась и вышла.

К собственному двору охотница подъезжала не спеша, погружившись в мрачные думы и рассеянно отвечая время от времени на приветствия встречных, провожавших пытливыми взглядами. Подслушанный разговор не выходил из головы: «Так что это, получается, все дело в моей силе? А сама я и не нужна никому?» – Кира горько усмехнулась. Если бы речь шла только о Пасите, она бы до конца жизни благодарила богов, но вот Крэг... Она и сама не понимала, что чувствует к курсанту. Ну, как и он ей тоже из-за силы понравился, а она-то себе уже напридумывала?

«Прав Пасита, я всего лишь наивная девчонка...»

Домой охотница поспела как раз к завтраку. Нааррон уже сидел за столом. Уставившись на нее, он строго спросил:

– Кира, где ты была?

Отчего-то вопрос вызвал раздражение. Давно ей никто не указывал, и менять что-то охотница не собиралась.

– Где была, там уже нет, – грубо откликнулась она, усаживаясь напротив.

Анасташа, недовольно качая головой, поставила перед ней миску пшенной каши, с добрым куском масла. По ее молчанию Кира сделала вывод, что Нааррон успел рассказать, почему они не ночевали дома. Едва покончили с завтраком, как хлопнула калитка, и во дворе появились оба Защитника.

– Принесла нелегкая! – проворчала под нос охотница, отходя от окна. Одевшись, она сама вышла навстречу.

– Кира, я... – начал было курсант.

Киррана не знала, как вести себя с Крэгом. Еще вчера она так на него разозлилась, а теперь все это уже не казалось столь важным после подслушанного разговора. Но и делать вид, будто ничего не было не вышло. Потому она молча прошла мимо, не обращая на парня никакого внимания. Вышедший на крыльцо Нааррон сделал большие глаза и пожал плечами, как бы говоря: «Не знаю, что за шлея ей под хвост попала». Крэг, двинувшийся было следом, остановился в нерешительности. Скоро охотница вернулась, ведя за собой оседланных лошадей. Передав один повод брату, спросила:

– Едешь?

– Конечно!

Киррана только сейчас решила посмотреть как следует на подозрительно тихих Защитников. Осунувшиеся лица зеленели синяками, которые еще вечером были свежими. Тени залегли под глазами, двигались мужчины вяло, будто нехотя: «Да что это с ними такое?».

– Как ты себя чувствуешь? – внезапно задал вопрос, стоящий у калитки Пасита. Его холодные, стальные глаза глядели придирчиво и изучающе, с доброй долей тревоги.

– Хорошо.

– Достаточно хорошо, чтобы тренироваться?

Охотница прислушалась к себе и ощутила знакомый до боли зуд во всем теле, казалось каждая мышца так и просится в дело. Пожалуй, тренировка не помешает, а вот медитировать было страшно. Пока раздумывала, оба Защитника по разу зевнули: «С ними определенно твориться неладное!».

– Я же говорил, ей лучше отдохнуть сегодня, – ответил за нее Крэг, и Кира вновь разозлилась, что за нее решают: «Ну уж нет! Я не собираюсь сидеть день-деньской в избе!».

– Нет, я очень хочу тренироваться!

Похоже, курсант расценил ее ответ по-своему и помрачнел. «Решил, что я это назло? Ну ничего, пусть тоже помучается». Кира мстительно не стала разубеждать парня. Вон сколько вчера переживала по его милости. Защитники тем временем снова зевнули, и Кира не выдержала:

– Вы сами-то чего такие сонные? Может, это вам стоит дома остаться, а то еще зашибу ненароком. – Она бодрым пружинистым шагом направилась к калитке, остальные потянулись следом.

– А это они вчера по ведру снотворного выдули, – весело сдал их Нааррон.

– Это еще зачем? – удивилась Кира.

– Ты на нас плохо влияешь. – Пасита скривился. Похоже, его мучила головная боль.

Кира открыла было рот, чтобы попросить Нааррона помочь им, но тут же передумала: «А мне-то что за дело? Будет еще брат на них свою энергию тратить, велика честь! Переживут как-нибудь – вон какие здоровенные». Задавив сочувствие, она взобралась на лошадь и, повернувшись к хмурым Защитникам, коротко спросила:

– Куда едем?

– Выбирай, – Пасита склонил голову набок, не отрывая от нее колючего взгляда. Казалось, будто и не о месте тренировки идет речь.

Кира едва тронула коленями бока лошади, направляя ту в сторону овинов, как Полночь радостно перешла на рысь. На берегу Широкой в эту пору было ветрено, а площадка на холме лучше защищена, окруженная вековыми соснами с трех сторон. Было немного страшно туда возвращаться, но охотница решила, что выбор места никак не мог повлиять на ее вчерашнее «путешествие», скорее дело в медитации. Стало быть, если не медитировать, то и бояться нечего.

За овинами по левую сторону от дороги раскинулись, заметенные снегом поля, где летом заколосятся овес, да пшеница. По правую – празднично обряженный морозами ельник взбирался по склону вверх, то и дело перемежаясь с могучими стволами сосен, над макушками которых висело неяркое солнышко. Его лучи окрашивали вершины холмов в розово-голубые оттенки и заставляли снег на полях серебриться, не давая поверить, что зиме недолго осталось. Где-то глубоко в животе заворочалась тоска. Совсем скоро она покинет эти края. Увидит ли когда снова дорогие сердцу холмы и сосны? И это такое разное, но всегда родное небо?

Недолго Кира любовалась окрестностями, вскоре ее нагнал Крэг. Курсант некоторое время собирался с мыслями, и охотница его не торопила.

– Кира... Не знаю, как и сказать... Я полный дурак. – Девушка повернула голову и вопросительно приподняла бровь. – Я не должен был уходить без объяснений. Ты только не гневайся, но тому есть причина.

– И какая же? – не выдержала Кира, хотя уже знала ответ. – Пасита наплел с три короба, что я принадлежу ему? Так, знай, я – ничья! А как на вас посмотреть, так и, вообще, никто не нужен! – Она хотела было уехать вперед, но рука Крэга придержала лошадь за узду.

– Дай мне договорить. Пожалуйста.

Светло-карие с золотыми прожилками глаза на солнце казались еще ярче. В них отразилась смесь надежды и непреклонности. От этого взгляда по спине побежали шелковые мурашки.

– Говори, – бросила Кира, не подавая вида, какое впечатление он на нее производит.

– С тобой не все так просто.

– Ну конечно!

Решив, что не хочет облегчать его участь, она убрала руку Защитника с уздечки, но не совладала со своими желаниями и чуть придержала в своей. Надеясь, что он не придаст этому значения, выпустила, резко посылая лошадь вперед. Курсант поднял глаза к небу, давненько ему не приходилось объясняться с женщиной. Он беспомощно оглянулся. Пасита ехал, наклонив голову, будто происходящее его не интересует. Нааррон, наоборот, глазел по сторонам, старательно избегая встречаться с ним взглядом. Крэг решил сказать все как есть, и прибавил ходу. Вновь поравнявшись с Кирой, выпалил:

– Во всем виновата сила.

Охотница, пристально на него взглянув, вдруг расхохоталась так, что лошадь всхрапнула от неожиданности.

– Ну да, у вас всегда сила всему причиной. Как удобно!

Захлестнула обида. Не на Крэга. На Защитников вообще. На отца и деда с их скрытностью, которые, так или иначе, бросили ее на произвол судьбы. На эту самую силу, о которой она не просила. На то, что волей-неволей придется покинуть родные края. Но объяснять ничего не хотелось, и Кира свернула с дороги на тропинку по обе стороны которой возвышались сугробы.

Взобравшись по склону, тропа нырнула под сень деревьев. Мрачные издали сосны расступились, приглашая в светлый, пронизанный солнечными лучами чертог. Пахло смолой и хвоей. Наверху у самых маковок тренькали, стайками перепархивая с места на место, зеленогрудые синицы. Друг за другом по рыжему стволу пробежали серо-голубые поползни. Мелькнул огненный беличий хвост, вызвав произвольную улыбку. «Как же хорошо!». В лесу Кира всегда чувствовала себя своей, даже дышалось легче. Она будто становилась настоящей. Становилась самой собой.

Как только все собрались на утоптанной площадке, Пасита взял быка за рога, и стало не до разговоров. Похоже, прогулка взбодрила Защитника и настроила на рабочий лад. Он гонял всех до седьмого пота, подтрунивал над Наарроном, обстоятельно объяснял Кире ее ошибки, да время от времени сходил в показательных поединках с Крэгом. Когда тренировка закончилась, Защитники приступили к медитации, от которой охотница наотрез отказалась: «А ну как снова в Излом занесет? Пока Матрена свое зелье не приготовит, ни-ни! И пусть Пасита хоть треснет».

Нааррон давно выдохся и теперь отдыхал, неспешно шатаясь между деревьев и что-то выискивая у самых корней. Она хотела было к нему присоединиться, как у самой кромки леса ее нагнал Крэг. Брови нахмурены, золотистые глаза светятся решимостью. Кажется, таким серьезным она его еще не видела. Он даже выглядел старше, и охотница впервые задумалась, а сколько же ему зим? «Уж точно больше, чем Нааррону и мне, но меньше, чем Пасите тин Хорвейгу». Опередив Защитника на мгновение, будто нехотя бросила:

– Говори. И постарайся, чтобы я тебе поверила.

– Кира, ты как-то на нас действуешь. Ничего подобного раньше... Сама понимаешь, в Ордене нет женщин...

– Так вот почему вы ни юбки не пропускаете? – не удержалась и поддела его охотница, но внезапно смутилась от собственной несправедливости. Буркнула: – Ладно, продолжай.

– Ты же поняла, про что я. Твоя сила уникальна. Мы всего лишь простые Защитники, а не премудрые Хранители Знаний, но в этом уверены. Рядом с тобой наша мощь растет слиш-

ком быстро, мы легко теряем над ней власть. Управление силой – это целая наука, тебе еще только предстоит узнать, как это. Приходится часто медитировать и постоянно принимать особые меры, чтобы не сорваться.

– Я уже знаю про потоки и схемы. Пасита многое мне рассказал.

Крэг одобрительно кивнул.

– Знаешь, а ведь тин Хорвейгу особенно туго приходится...

При этих словах Кира непроизвольно повернула голову и посмотрела на Паситу. Тот все еще сидел в позе «цветущего лотоса», но его глаза были открыты, и смотрели исподлобья. Рот скривился в угрожающей улыбке, когда их взгляды встретились. Крэг тем временем продолжал:

– Сила захлестывает, и накрывает с головой, потому так трудно разобрать, где наши собственные чувства и мысли, а где наносное... Прости. Я не хотел выказать пренебрежение, когда уходил вчера, но я боялся, что не сдержусь. Взгляни на ублю... тин Хорвейга. Делает вид, будто ему все равно, но на деле, Керун свидетель, готов меня спалить взглядом только за то, что я стою рядом и разговариваю с тобой.

Кира не выдержала и спросила:

– Это и правда так ужасно?

– Справимся. Особенно теперь, когда все мы понимаем чуть больше. Медитации помогают. Опять же – снотворное на ночь...

Кира почувствовала, как против воли глаза наполняются слезами. Она не сдержалась, и две слезинки одна за другой пробороздили дорожки на разрумянившихся щеках. Зло вытерев их, охотница отвернулась. Крэг шагнул ближе.

– Эй! Ты чего это? Ты плачешь? Я что-то не то сказал?

– Все то. Просто я думала, что нравлюсь тебе!

– Боги! Кира, конечно же, ты мне нравишься!

– А как же сила?

– Кира, никакая сила не заставит меня поцеловать девчонку, которая мне безразлична! – Крэг сообразил, что дальнейшие слова бесполезны и шагнул ближе. Обнял, прижимая к себе, и едва слышно прошептал ей в самую макушку: – Тин Хорвейг меня сейчас убьет...

За спиной раздалось возмущенное покашливание. Тихий, чуть вибрирующий от едва сдерживаемого гнева голос нарочито спокойно произнес:

– Молокосос, ты что тут себе позволяешь?

2.

Глафира почти не слышала, что говорит мать. В последнее время та как с цепи сорвалась, стремясь во что бы то ни стало заполучить ребенка от Защитника. «Когда еще такая okazия случится?» – беспрестанно талдычила она, будто Глафира не единственная дочь, а племенная корова. Девушка не противилась. Покорно кивая, одевалась и молча выходила из дому, будто для того, чтобы соблазнить другого Защитника, а на деле шла к купальням, куда в это время мало кто навещался и, в отличие от овинов, было гораздо меньше шансов напороться на соглядатаев.

Нааррон, как всегда, ждал у большого валуна. Он сажал ее на свою смирную лошадку, и они вдвоем отправлялись на охотничью заимку. Брат Киры был нежен и страстен. И его ласки были совсем иными, чем у Защитника. Глафире нравилась его предупредительность, нравилось, как он превозносит ее красоту. Она таяла в его объятьях, будто снег в апреле, растекаясь прозрачной лужицей, забывая, что скоро он уедет. Но девушка понимала, дворянин по рождению вряд ли захочет жениться на простой деревенской девчонке, пускай и красавице. А потому ни на миг не забывала о своей главной цели.

А мама? Ей необязательно знать, от кого родится этот ребенок. Глафира была уверена, Нааррон не оставит своего отпрыска и его мать. Сытная жизнь будет ей обеспечена. Девушка

бредила столичной жизнью и видела себя наряженной в одно из таких платьев, какие она помогала надевать дурище Кирке, только еще лучше, конечно же. Она-то ведь недеревенская охотница! Красивый дом и служанки. Она же не станет вести хозяйство сама? А Нааррон? Нааррон, так и быть, пускай захаживает, даже если и женится на ком-то. Она ничего не имеет против.

– Ты слышишь, что я тебе сказала?

– Да мама, – ответила Глафира, хотя и не уловила ни единого словца.

– И чтобы домой до утра не возвращалась!

– Я все поняла, мама.

Мать говорила о предстоящем отъезде Защитников. Они отправлялись в дорогу уже завтра, но на деле ей уже не о чем было беспокоиться. Глафира умиротворенно улыбнулась, непроизвольно погладив рукой живот. Еще не было никаких признаков – для них слишком рано, но каким-то образом она это чувствовала. Краски не придут, она не сомневалась, что новая жизнь уже зреет внутри под сердцем. Сегодня последняя их с Наарроном ночь. Глашке было немного грустно, ведь как только он уедет, не видать ей утех как своих ушей. С деревенскими пашни водить мать не позволит, да и с кем здесь? Никто ей не люб. Разве что Микор, да и того уже и не вспоминала давно.

Вспомнив свою старую любовь, Глашка усмехнулась. Сколько ночей она поливала слезами подушку, изводясь от ревности к охотнице? А он-то взял и от них обеих уехал. Боги ведают, может, и доведется еще с ним в столице свидеться? Вот было бы здорово предстать перед ним дамой.

А вот с Кирой лучше пока помириться, чтобы та зла не таила. Ну как станет Нааррону о ней, Глафире, наветы наводить? Вдруг тот в столицу ее тогда не заберет? На миг сердце Глафиры сжала ледяная рука страха. Нужно сделать сегодня ночью так, чтобы он не смог ее забыть. Никогда. Спасибо Пасите, научил таким штукам, о которых никто из замужних подружек и не подозревал даже.

Глава 6

1.

Кира окинула взглядом враз осиротевшую комнату. Много вещей с собой она брать не стала. Отцовский нож привычно висел на поясе, лук, колчан со стрелами, да самое необходимое в дороге. В желудке с утра поселилась противная тяжесть, причиной которой было волнение – она впервые покидает родные стены, что ждет впереди?

– Не грусти, все будет хорошо, – Нааррон тепло улыбнулся и понимающе сжал ее руку.

Брат как никогда был весел и болтал без умолку, несмотря на несколько изможденный вид. Кира бы даже поверила, что во всем виноваты тренировки, если бы не подсмотрела, как тот на ночь глядя тихонько крался из избы, а затем и со двора, ведя в поводу оседланную кобылу. Вернулся Нааррон только перед рассветом. Слова о том, что не стоит связываться с Глафирой, он пропускал мимо ушей, и охотница не стала настаивать.

В избы вошел Крэг, как обычно, широко улыбаясь.

– Мир вашему дому! – поклонился он с порога.

– Здрав будь, Крэг, – попросту ответила Анасташа, которая суежилась, собирая в дорогу пироги, испеченные спозаранку караваи, горячий сбитень и прочую снедь.

– Готовы? – Не дожидаясь ответа на свой вопрос, он выдал: – Кажется, я тут кой-чего забыл. Посмотрю? – Курсант направился напрямиком в комнату Киры, и та подалась следом, не понимая, о чем речь.

«Да ведь тут и прибрано уже не раз...»

– Что ты тут мог забыть?

Крэг развернулся, припирая ее к стенке:

– Это! – выдохнул ей в губы, прежде чем прикинуть поцелуем.

Кира отрунула все мысли и доводы, целиком отдаваясь ощущениям. Все потом, когда этот сладкий миг закончится. Потому только сильнее притянула к себе парня, обнимая за шею. Привстала на цыпочки, чтобы далеко не маленькому Крэгу было удобнее. Ее язык вступил в яростную борьбу с его и, кажется, даже победил, чтобы потом радостно сдать. Тело охватила сладкая истома, и Кира едва сдержала стон, осознавая, что за бревенчатой перегородкой мама и брат, да и дверь наростопашку... Сердце гулко колотилось в висках, щеки пламенели от ощущения того, что они творят недозволенное. От горячих ладоней Защитника по спине и затылку волнами расползались мурашки, голова кружилась, в ногах поселилась предательская слабость. Наконец, Крэг нехотя оторвался от ее губ, и Кира чуть не застонала снова, теперь уже от разочарования. Она понимала, что он в этом прав, сейчас кто-нибудь заглянет – стыда не оберешься. Усилием воли вернув себе самообладание, она выдохнула, не отпуская курсанта. Будто и не он прижимал ее к стене:

– Ну что, нашел, потерянное?

– Почти. – Голос парня прозвучал также хрипло, а в глазах мерцал голубоватый отблеск силы. Почувствовав это, Крэг прикрыл веки и сделал глубокий вдох, прежде чем открыть их снова. – Кхм, если я сейчас примусь медитировать, тин Хорвейг нас точно заподозрит.

Кира скривилась и ослабила хватку. Да уж, Пасита дал понять, что не потерпит больше таких выходов. Тогда на холме Крэг осмелился ее поцеловать прямо при нем. От воспоминаний о том, как выглядел Защитник в тот момент, у охотницы пробежал по спине холодок. Похоже, Пасита чудом сдержался, чтобы не сотворить что-то ужасное. Вот тут она воочию увидела, насколько «нелегко приходится тин Хорвейгу». Защитник выместил всю свою злость прямо на тренировке.

Мужчины скинули одежду, чтобы не испортить, и остались в одних холщовых штанах. Босые ноги будто и не замечали, что ступают по снегу. Было неприятно наблюдать, как Пасита

гоняет по площадке Крэга, используя смертельные даже на вид приемы, о каких Кире и слышать не доводилось. Очень быстро курсант выдохся и мог противопоставить разве что собственное боевое мастерство, но не силу.

Как только это случилось, Защитник сменил тактику и теперь курсанту приходилось терпеть болезненные удары огненной плети, от которых вздувалась тонкими красными рубцами кожа на обнаженном теле. Это было унижительно, но недостаточно для того, чтобы тот отказался от попыток, которые переросли в шутивное баловство на тренировках – в остальное время Пасита не выпускал Крэга из виду. Они старательно изводили тин Хорвейга, нарочно прижимаясь плотнее друг к другу, или удерживая дольше, чем надо во время поединков, а то и касались украдкой губ в мимолетном поцелуе, если тот не видел. По их честным глазам, и рвущимся против воли улыбкам, Пасита понимал, что дело нечисто, но никак не мог помешать. На все его нападки, Крэг не больно-то обращал внимание и отшучивался: мол, совсем сбрендил от ревности? Да советовал чаще медитировать.

Будто прочитав ее мысли, Крэг сказал:

– Теперь до самого Ордена мне толком не удастся этого сделать.

– Что вы там возитесь? – Анасташа вошла так тихо, что ее и не заметили.

Крэг успел поспешно выпустить Киру, но по покрасневшимся щекам дочери та явно все поняла. Понимающе усмехнувшись, для порядка пригрозила:

– Смотрите, не шалите мне! – Посерьезнела: – Крэг, а не обидят дочку в этом вашем Ордене? Ты уж присмотри за ней.

– Постараюсь, – Крэг взял Киру за руку и легонько сжал и помрачнел: – Жаль, не со всеми я совладать в силах...

– Пасита! – прошипела женщина, выплюнув имя Защитника.

– До Ордена постараюсь сделать все, что смогу. Да и Нааррон с нами. Не думаю, что тин Хорвейг при нем озорничать отважится. Да и иные, похоже, виды у него на Киру. А как в Орден доберемся, Настоятель Махаррон внучку в обиду не даст.

Анасташа вздохнула, задушив в зачатке встающий поперек горла ком. Глубоко внутри она всегда знала, что это когда-нибудь случится. Кира покинет отчий дом. Боги и так были к ней благосклонны, подарив двух детей вместо одного и любимого мужчину, который был рядом столько лет. Ей грех жаловаться. Отчего же тогда так грустно уже? Так пусто и одиноко, хотя дети еще и не шагнули за порог?

– Присядем на дорожку? – предложила она, первой опускаясь на лавку.

Настроение Анасташы передалось и остальным. Взоры обратились к фигуркам Керуна и Киаланы, по традиции стоявшим на отдельной полке, накрытой белым рушником с красным узором по краю, повторяющим переплетенные между собой руны богов, символизирующие единство двух начал. Каждый мысленно попросил удачи и легкой дороги.

– Пора, – вздохнул, поднимаясь, Нааррон и крепко обнял мать.

После недолгого прощания Анасташа, утирая глаза платком и кутаясь в шаль, шла следом за медленно перебирающими ногами лошадьми. Позади разбрехался народ – провожали охотницу и Защитников всем миром. Да не столько из-за великой любви, сколько больше из любопытства или же корыстных мыслей: «А вдруг защитник Пасита вернется и припомнит?».

– Кира, стой! – Проталкиваясь через толпу, за ними бежала Глафира, девушка неловко уворачивалась от идущих навстречу людей и все кричала: – Кира!

– Ей-то что надо? – проворчала охотница, разворачивая лошадь.

Люди, кто не успел далеко отойти, остановились поглазеть – авось, что еще интересное случится. Невзирая на любопытных, Глашка, задыхаясь, подлетела вплотную и схватилась за стремя одной рукой, вторая продолжала прижимать к груди объемный сверток.

– Кира, прости меня, пожалуйста! Киалана свидетель, от ревности я была не в своем уме. – Щеки девушки залились искренним румянцем. – Я не должна была так поступать.

Прими мой подарок, да не держи зла, если можешь. – Глафира низко поклонилась, а потом протянула какой-то сверток.

Кира, испытывая неловкость, соскочила с лошади. Как-то непривычно было объясняться с человеком вот так свысока.

– Не нужно мне твоих подарков, но не могу сказать, что обиды совсем не держу, уж не обессудь. Живи, Глафира, спокойно, да впредь думай и не делай зла никому. Особенно тем, кто пред тобой беззащитен. – Охотница понизила голос, пристально глядя в черные глаза: — Ты испытала это на собственной шкуре.

Глафира смиренно поклонилась и снова протянула сверток.

– Возьми вот, пожалуйста.

Только сейчас Кира поняла, что внутри свертка что-то живое. Отрез ткани соскользнул, явив взору крупного косматого щенка, серой масти с белой грудкой. Голубые, еще по-детски мутноватые, глаза глядели доверчиво, розовый язычок задорно вывалился из пасти. Щенок, мотнув головой, звонко чихнул и нетерпеливо заскулил, приподняв вислое ухо. Затем потянулся к Кире и засучил толстыми лапами, норовя вырваться из ослабших, не привыкших к труду рук девушки – весил он похоже прилично, а на вытянутых-то долго держать несподручно.

– Киалана... – Сердце охотницы дрогнуло при виде такого чуда. Не могло не дрогнуть. – Какой красавец! – Она не удержалась и поцеловала щенка прямо в мокрый нос, едва отметив, как сзади хмыкнул Пасита – видать, позавидовал. Щен же в ответ успел облизать ее лицо прежде, чем отстранилась.

– Возьми его, пожалуйста, – продолжала уговоры Глафира. – Это добрая порода. Отец от родни привез по моей просьбе. Специально для тебя. Понимаю, он не сможет заменить твоего Тумана... – Глафира снова поклонилась.

– Хорошо, я приму его. Не забывай, мои слова.

– Жаль, я не могу взять тебя с собой, – обратилась Кира к песику. – Ты еще совсем маленький и не выдержишь дороги. – Прижав на прощание теплое тельце, она повернулась и передала его матери. – Будет дом охранять.

Анасташа порывисто прижала щенка к себе, из ее синих глаз снова хлынули слезы. Кира обняла мать в который уже раз, а потом рывком развернулась, лихо вскочив в седло, окриком послала Полночь в галоп, обгоняя спутников.

2.

Знахарка Матрена не пошла провожать Защитников и Киру вместе с деревенскими, сославшись на недомогание, отправила Есению. Казалось бы, теперь можно спокойно вздохнуть, да не отпускала тревога. И дело было не только в Пасите. Знахарка переживала о содеянном. Ох и рисковала она, вручая Кирране тот самый флакон. Матрена надеялась, что рассчитала дозу правильно. Рецепт «Слез Киаланы» она помнила до мельчайших подробностей, но вот точно определить на глаз, сколько требуется девчонке, было намного сложнее.

Когда-то она благодарил Киалану за то, что у Защитников давно не рождаются дочери – таково наказание богов за спесь. Ровно до тех пор, пока у Анасташы с Карроном не родилась Кира. Девчонка все же появилась на свет. Да и не где-нибудь, а здесь – прямо у нее под носом. И как это следовало расценивать? То ли знак свыше, то ли насмешка судьбы, поди-ка разбери.

Девчонка росла, но ничего не происходило. Разве что странная была, ну да Матрена и сама не из обычных. Подумаешь, девка как мужик охотится, да порты носит. Главное, сила никак себя не проявляет, и Матрена уверилась, что той нет в помине. Да не тут-то было. Боги любят шутить над смертными. Принесла нелегкая нового Защитника, да не кого-нибудь, а одного из тин Хорвейгов. Перед затуманенным взором знахарки, как наяву предстали серостальные глаза, только те были старше, и из-за привычки шуриться мелкая сеть морщин уже тронула кожу вокруг...

В тот вечер было что-то не так. Эйсмолан тин Хорвейг будто витал где-то, хотя его движения оставались мощными и ритмичными, а руки продолжали ласкать ее тело, но как-то бесчувственно.

– Свет мой, мне кажется ты сейчас не здесь, не со мной. Что-то случилось? – Настрой Матрианы потихоньку пропал, и она остановила любовника. – Так не пойдет. – Отстранившись, она грациозно села на постели, откинув длинные, достающие почти до колена волосы цвета светлого меда, обычно тщательно заплетенные и прибранные под форменный головной убор. Эйсмолан протянул руку и взял прядь, принявшись задумчиво ею поигрывать, провел вверх и вниз по ее обнаженному плечу, но его лицо сохранило прежнее серьезное выражение. Затем мужчина посмотрел ей прямо в глаза и тяжело вздохнул решившись.

– Ана, тебе нужно срочно уехать.

– Что? – Голос Матрианы сел. Внутри будто что-то оборвалось. В глубине души она всегда знала, что рано или поздно это случится, они расстанутся, но не так же скоро!

Она отпрянула, когда любовник снова потянулся к ней, но он перехватил ее руку. Преодолевая сопротивление, притянул к себе и крепко обнял. – Эйс...

– Ты недослушала, душа моя, – любимый зарылся носом в ее волосы, опалая дыханием кожу на шее. Я совершил серьезную ошибку, это дорого мне обойдется. Нам. Они не пощадят никого. Я не могу тобой рисковать. Поэтому ты должна срочно уехать.

– Хорошо, я только закончу работу и... Мне нужно три дня. Два...

– Матриана, ты должна уехать сегодня ночью. Здесь деньги и драгоценности. Этого хватит, чтобы добраться куда угодно, хоть на край света. – Рядом звякнул увесистый мешочек. – Ты сейчас же покинешь Орден и исчезнешь для всех. Никто не должен почуять и тени подозрений, что ты и есть Матриана тин Эллер. Надеюсь, ты успела разобраться с нашей маленькой проблемой?

Матриана нахмурилась, сжав зубы. Она все еще не понимала, к чему такая спешка, дело же не только в нежеланной беременности? Эйсмолан не мог видеть ее лица, потому она осмелилась на ложь:

– Да. Я все сделала. А как же ты? – Внезапно осенила страшная догадка: «Он сказал, что они не пощадят никого!» – Так все это из-за «Слез Киаланы»?

– Забудь это название и никогда больше не произноси его вслух!

– Эйс, что ты натворил? – Матриана повернулась, ее голос звучал спокойно и непреклонно, невзирая на бурю, бушующую внутри.

– Я убил тин Даррена.

Хранителя Знаний и Главного целителя Южной башни Эйсмолана тин Хорвейга обвинили в государственной измене и в попытке предумышленного убийства Теорра тин Даррена, одного из наставников Северной башни и члена Совета Ордена, тот же непостижимым образом умудрился выжить и указать на убийцу. Мятежник был схвачен и через три дня казнен вместе с остальными шестью помощниками на Площади Плача в столице. Лишь одному из его пособников удалось сбежать. Матриана тин Элле всегда была умной, а потому беглянку так и не поймали. Она присутствовала на казни, и это был последний раз, когда видела любимого. Последний раз, когда она позволила себе плакать.

Через пять лет после тех событий из сартогских степей на берег Широкой вышла едва живая, изможденная женщина с маленькой девочкой на руках. Ее подобрала рыбаки из деревни Золотые Орешки. Женщина представилась знахаркой Матреной и рассказала, как на ее деревню напали сартоги. Они сожгли дома, а людей убили. Ее саму и сестру с маленькой дочкой, как и некоторых других женщин, увели в полон. По пути она сумела сбежать, прихватив племянницу, и шла много дней, пока не вышла к реке, где ее и обнаружили. Матриане легко поверили, в то время в Приграничье было неспокойно, набеги кочевников случались

частенько, а Защитников не хватало на всех. Сердобольные жители не отказали знахарке в крове, с радостью приютив. Врачеватели здесь были на вес золота.

От воспоминаний кольнуло в груди, и Матрена тяжело опустилась на лавку, судорожно шаря по столу. В последние дни сердечное снадобье было всегда под рукой, старуха заглотила припасенный в маленьком пузырьке порошок, поморщившись от пряного вкуса. Стальные тиски постепенно разжались, утерев покрывшийся испариной лоб, старуха пробормотала под нос: «Так и помереть недолго!».

Матриана тин Элле всем сердцем ненавидела Защитников. Исключением, пожалуй, был Каррон тин Даррен – еще одна насмешка богов. Потом родилась Киррана. Видать, и у Анасташа среди предков затесался могучий Защитник, иначе как такое объяснить? И все бы ничего, но тут появился Пасита и принялся изводить девчонку, явно добиваясь от той проявления способностей. Выходит, он откуда-то узнал про то, что она тин Даррен. Повышенное внимание тин Хорвейга к охотнице сильно обеспокоило знахарку. Нельзя было допустить, чтобы бесовское племя, к которому она относилась всех Защитников без исключения, начало возрождаться. Тем более, что у такой пары ребенок с даром точно появится, – в храм Киаланы не ходи. Уж проклятая сила им в этом поможет. То, что он станет Защитником тоже сомнений не вызывало, а судя по мощи Паситы, это будет существо отродье Излома.

То, как охотница расправилась со Стаей, лишь укрепило уверенность Матрианы в своей правоте. В то, что ребенок может вырасти честным и благородным, как Каррон, и, возможно, спасти в будущем много жизней, она попросту не верила. Да и жажда мести застала взор. План созрел мгновенно, а главное, никто ее в жизни не заподозрит. На руку было и то, что девчонка ненавидит Защитника. Стоит той понести, как она, Матрена, ей «поможет». Приняв зелье для вытравки плода, девчонка истечет кровью, пока знахарка будет картинно сокрушаться, в попытках ей помочь. А потом сошлется, на слабое здоровье, узкие бедра, близость Излома. На что угодно, ей в любом случае поверят.

Матрена усмехнулась. Ее плану изначально не суждено было осуществиться. Что-то происходило. Что-то странное, чего она не могла предугадать. Тин Хорвейг, несмотря на невоздержанность и даже явное наличие каких-то чувств к Кире, отчего-то так и не овладел девчонкой ни разу. Она проверяла, это было легко сделать незаметно, ведь в последнее время та часто оказывалась в ее избе в беспамятстве. Тут, как назло, прибыл еще один Защитник, и у знахарки появился новый повод для беспокойства. Этот охотнице нравился, Кира не захочет избавляться от его ребенка.

Когда охотница попросила у нее снадобье для блокировки силы, Матриана даже растерялась, но потом поняла – боги дали ей шанс. Оставалось надеяться, что Кира успеет достаточно далеко уехать, чтобы ее смерть не навлекла подозрений. В идеале девчонка должна умереть только в Ордене, чем вызовет раскол и противостояние среди Защитников. Наверняка Махаррон не будет в восторге оттого, что к его внучке как банный лист липнет тин Хорвейг, и спишет ее смерть на давнюю вражду родов. Все это ей только на руку, отчего же тогда мучает проклятая совесть?..

Глава 7

1.

Снег едва сошел, и черная жирная земля не успевала впитывать влагу, превращаясь в вязкое месиво, хлюпающее под копытами и срывающее подметки с сапог. Солнце, тепло припекавшее с утра и растопившее промерзшие за ночь лужи, последний раз блеснуло лучами, отразившись яркими бликами от их поверхности, и постепенно скрылось, уступив место серой хмари. Еще холодный ветер дерзкими порывами взметнул волосы, запутался в гривах лошадей, и подернул рябью водную гладь.

Ярый осторожно ступал по раскисшей дороге, то и дело оскальзываясь. Пасита, потянул повод, заставляя коня сойти на обочину, чтобы тот не переломал себе ноги. Защитник остановился и обернулся:

– Может, все-таки сядешь в седло?

– Разве мы сильно отстали?

Кира упрямо шла пешком, ведя свою лошадь в поводу. Молокосос и заучка, видимо из солидарности, последовали ее примеру. Пасита пожал плечами. В конце концов, раз им так нравится, пускай месят грязь и дальше. Нагрузка лишней не будет.

Припомнились годы обучения, когда их, курсантов, поднимали спозаранку и сутками гоняли по промозглым осенним предгорьям, пока они не валились с ног от усталости. Как бы то ни было, но девчонке это тоже предстоит, если, конечно, Махаррон не соизволит сделать поблажку для внучки. Отчего-то тин Хорвейг в этом сомневался, он слишком хорошо знал Настоятеля.

Стоило представить Киру босую, бегущую сломя голову по редколесью среди толпы полубогаженных курсантов, пышущих здоровьем, юностью и силой, стремящихся при каждой возможности похвалиться друг перед другом удалью, Пасита ощутил болезненный укол ревности. Да и наставники тоже не исключение. Можно предложить ей свое покровительство, тогда никто бы не посмел и взглянуть лишний раз в ее сторону... Отчего-то он был уверен, Кира скорее сдохнет, чем согласится.

Внезапно Защитник осознал, он так заиклился на том, чтобы привезти девчонку в Орден, что ему ни разу не пришло в голову, что она окажется там единственной девушкой-курсантом. Других женщин в Ордене нет, не считая прислуги. Волей-неволей ей какое-то время придется жить и учиться бок о бок с другими мужчинами. Общаться с ними. Заводить друзей и врагов. И все они молодые, знатные и не очень, но по большей части привлекательные, привыкшие к повышенному вниманию и безотказности.

Сила наделяла всех Защитников особым шармом. Ему ли не знать – последний курсант, прошедший через Круг Определения, считает себя неотразимым, тем более стоит сделать шаг за ворота Ордена, как следом потянутся обожающие взгляды. Что уж говорить. Взять, к примеру, Золотые Орешки, он появился там и мгновенно снискал репутацию тирана и изверга, но заинтересованный блеск глаз из-за плетней и кустов, из-под платков и густых ресниц все равно преследовал его, куда бы он ни направился. Все, что сдерживало этих похотливых сучек, не давая постоянно путаться под ногами, это страх. Видать, поэтому его самого больше привлекали те, кому он был неинтересен.

Сломать, привязать, сделать зависимой, увидеть, как ненависть в глазах сменяется желанием... Только вот после его интерес пропал, как и не было, и приходилось искать другую игрушку. Нет, он не жаловался, ведь ему был важен сам процесс...

Ушедшие в сторону мысли плавно вернулись к Кире. Свои чувства к ней он не мог понять, хотя с тем, что они есть уже успел примириться. Одно Пасита знал точно – сломать, как других, ее не выйдет, легче просто убить. Но, как ни странно, ему ни того, ни другого и

не хотелось. А хотелось увидеть такой вот открытый, обращенный к себе взгляд. Искреннюю улыбку, предназначенную ему одному.

Тин Хорвейг невольно обернулся и раздраженно скрипнул зубами. Будто нарочно, Крэг что-то весело рассказывал, Кира улыбалась во весь рот, то и дело поднимая глаза, чтобы заглянуть ему в лицо. Идти было трудно, и совсем неудивительно, что девчонка поскользнулась и едва не упала. Молокосос поспешил придержать ее за талию. Встретившись в этот миг взглядом с Паситой, Крэг нехотя убрал руку, но сделал это так естественно, без поспешности, что не вызвал и тени подозрений у Киры. Откликаясь на заклокотавшую у горла ярость, в груди тин Хорвейга расцвел огненный цветок, отразившийся блеском пламени в глазах.

Пасита усилием воли заставил себя отвернуться. Со стороны все выглядело довольно невинно. Похоже, молокосос держится, так что ему самому и подавно не подобает выказывать слабость.

Пасита еще в деревне заподозрил неладное. Курсант перестал пить снотворное на ночь, и Защитник злился, думая, что тот поступил так нарочно, в надежде увидеть «жаркий» сон. Тин Хорвейг сделал вид, что не заметил, но потом вышел на двор и сунул в рот пальцы, избавляясь от содержимого желудка. То-то будет сладкой парочке сюрприз, когда он к ним присоединится: «Пожалуй, стоит проучить обоих как следует. Сделать так, чтобы они и думать забыли впредь о подобном баловстве!». Пасита прислонился к промерзшей бревенчатой стене спиной, успокаивая разбушевавшиеся чувства. Сейчас он даже хотел, чтобы это и правда случилось: «Нет, ну ладно безмозглый дуболом, но Кирана!». От кого Защитник не ожидал подобного, так от этой недотроги и скромницы.

С трудом сплюнув вязкую, отдающую горечью слюну, Пасита хлебнул ледяной воды, прополоскав рот, умылся из той же бочки, пытаюсь погасить разгорающийся в груди пожар. Вернувшись в дом, он обнаружил Крэга крепко спящим. Как назло, сам Пасита долго не мог заснуть, ворочался и злился, но когда Киалана смилостивилась, все же увидел сон. Самый обычный. В нем даже была Кира, но как это бывает в простых снах, он почти никак не мог влиять на события и мало что вспомнил после пробуждения.

Все утро Пасита пристально вглядывался в лицо молокососа, пытаюсь по выражению понять, снилось ли тому что-то особенное. Тот, обнаружив его интерес, спросил: «Чего тарачишься, тин Хорвейг, аль влюбился? Так, я это, к мужеложцам не отношусь, не обессудь».

На следующий день все повторилось. Пасита сначала даже успокоился. Похоже, сны прекратились вовсе, и больше не надо глотать горькую жижу, от которой с утра мутит, кишки сводит и раскалывается голова – то ли вредная знахарка специально такой отвар им готовит, то ли и правда ничто другое попросту не подействует? И все ничего, если бы через несколько дней он не заподозрил неладное.

Девчонка, поартачившись, снова согласилась медитировать, но теперь Пасита больше не ощущал потоков ее силы, мощное ровное завихрение которых нельзя было ни с чем перепутать. Защитник со временем даже научился их видеть, как умеют некоторые наставники. Теперь же – ничего, как он не старался. Все, что удавалось ощутить, это едва теплящийся отголосок силы. Все.

Это было нехорошо. Одно дело, когда невооруженным взглядом будет заметно, какую мощь таит в себе эта хрупкая Защитница, и совсем другое, если он, опальный Защитник, притащит в Орден какую-то девку и будет убеждать, что у нее есть сила. Прежде чем отвести Киру в Круг Определения, придется заставить себя выслушать. Пасита не сомневался в своем успехе, но и отказываться от явного преимущества не собирался.

Новая мысль окатила ледяной волной: «А вдруг ее силу забрал Излом? Вдруг ничего не осталось? И что тогда? Неужели все зря? Конец всем надеждам? Останется разве что довольствоваться проведенной вместе ночью, прежде чем отправить ее восвояси?».

Пожалуй, от этого поступка его не удержит даже Махаррон. Мысль о том, что старик после всего не сможет пойти против Кодекса и заставить его жениться на обесчещенной внучке, вызвала нездоровое веселье.

Подковы Ярого перестали издавать чавкающие звуки и глухо застучали по твердой земле. Хвала Керуну! Выбрались на большак, пора прекращать это безобразие. Пасита развернулся и крикнул:

– Давайте в седло! Хватит дурью маяться, так и до завтра к Красным Горкам не поспеем.

На этот раз спутники не заставили себя ждать, сказывались проведенные в дороге дни. Заучка, с видимым облегчением, едва ли не первым взобрался на свою покладистую кобылу, остальные последовали его примеру, на ходу пытаясь стряхнуть прилипшие к подошве комки грязи.

На большаке лошади пошли увереннее. Здесь на юге Княжества было не в пример теплее, чем в Приграничье. За прошедшую седмицу они будто медленно въехали из зимы в весну, так сильно изменилась местность вокруг сразу за болотами. Снег в лесу еще не сошел, но на полях растаял, напоминая о себе лишь светлыми пятнами тяжелых серых куч, раскиданных здесь и там. Воздух пах прелой листвой, сыростью и перегноем, звенел от свежести. По утрам путников непременно будил щебет птиц, которых не обмануть даже неожиданным снегопадом.

Путешествие выдалось легким. За ними никто не гнался. Они не торопились, останавливаясь задолго до заката. Обустраивали стоянку без спешки и обязательно находили время, чтобы немного размяться. Тренировки затевали не всегда, но медитировать Пасита заставлял каждый вечер. Он все время внимательно вглядывался Кире в лицо, это мешало сосредоточиться, казалось, будто он что-то подозревает. Хоть охотница и считала все это собственными домыслами, но, памятуя о наставлениях знахарки, принимала зелье украдкой, притворяясь, что ходит по нужде. Рука сама легла на грудь, проверяя потайной кармашек, в котором хранился замотанный в тряпицу маленький флакончик темного стекла. Тот оказался на месте, да и куда ему было деться?

Набежавшие тучки просыпались-таки мелким и неожиданно колючим снежком – последней привет зимы. Порыв ветра швырнул его в лицо, заставив зажмуриться. Полночь недовольно фыркнула и мотнула головой, ускорив шаг. Догнала едущих бок о бок адепта и курсанта, пошла медленнее, приноравливаясь к их скорости, и пригнула голову. Охотница усмехнулась такой находчивости. За широкой спиной Крэга и правда было не столь ветрено.

Кира тайком наблюдала за Наарроном. В последние дни он был сам не свой, отвечал невпопад, частенько витал в облаках и тяжело вздыхал, вперившись вдаль: «Небось, по Глашке скучает?» Сейчас брат что-то рассказывал другу, и она невольно прислушалась.

– Я не знаю! – в голосе Нааррона прозвучало чуть ли не отчаянье, он воровато оглянулся.

Кира нахохлилась и натянула суконный, подбитый мехом башлык, плотнее обматывая длинные концы вокруг шеи, здесь на юге Княжества холод ощущался совсем иначе и пробирал до костей. Было странно всю зиму проходить в легкой куртке, а теперь, когда и снег уже почти растаял, мерзнуть, дрожа как осиновый лист на ветру. Нааррон, решив, что она не обращает на них внимания, успокоился и продолжил, понизив голос, хотя для тренированного охотой уха особой разницы не было, Кира все слышала, тем более ветер доносил каждое сказанное слово.

– Мне с ней было хорошо, но я ее не люблю. Да и желания завести семью у меня пока нет. А после всего я чувствую себя... ублюдком!

– Ты себя с тин Хорвейгом даже не сравнивай! Это Глафире впору на тебе жениться, раз она у тебя первая, – Крэг тихо рассмеялся.

– Но ведь получается, я ее обесчестил? Хотя, наверное, нет. Она же и так была не девственна, – Нааррон задумчиво почесал в затылке.

– Заучка! Ты идиот? Прекрати мучиться, а то аж тошно слушать! Подумаешь, девку поимел. Сколько еще их будет? Если не перестанешь ныть, я стану подтрунивать над тобой до конца жизни. Тебя послушать, так и я должен жениться на Орденской стряпухе.

– На стряпухе?! – Нааррон чуть из седла не вывалился от удивления. – Дуболом, – произнес он вкрадчиво, – не говори, что ты переспал с толстой Панной?

– Посмей только кому рассказать! – пудовый кулак сжался под самым носом адепта: – Я тебе шею сверну!

Нааррон прыснул ни капли не испугавшись.

– Друг, тебя лишила девственности старая толстуха, я не ослышался?! – не унимался он.

– Заткнись, сказал! – прошипел Крэг. – Если ублюдок услышит, я тебя прямо тут и закопаю! – он угрожающе подался в сторону веселящегося адепта.

– Не-ет, это я буду подтрунивать над тобой до конца жизни!

– Не такая уж она и старая тогда была, всего-то зим на пятнадцать старше...

Нааррон тихо трясся от смеха. Немного успокоившись, он вернулся к прежнему разговору, но его голос теперь звучал не в пример спокойнее и даже по-деловому.

– Так, выходит, это нормально, что мне было хорошо с Глафирой, но я ее не люблю?

– Конечно. Ты же мужчина, у тебя есть свои желания и потребности. Открою секрет, которого, похоже, нет в твоих книжках. У женщин эти самые желания и потребности несколько не меньшие, чем у нас. Во! Попадется тебе такая ненасытная, и будешь стараться уже не столько для своего удовольствия, сколько чтобы назавтра по всей округе не растрепали, что ты немощный.

– Да ты что?! – искренне удивился брат.

Дальше Кира не захотела слушать мужские разговоры, да и не пристало ей, девице, про такое, вообще, знать. Она придержала лошадь, слегка отставая, и погрузилась в собственные думы.

Это что же получается? То, что она испытывает к Крэгу тоже нелюбовь, а всего лишь похоть? До этого момента охотница особо не задумывалась, что значат их отношения. Понятное дело, мечтать о пышной свадьбе и доме с кучей детишек не приходилось. Крэг – Защитник, да и она сама вроде тоже станет Защитницей, если из Ордена с порога взашей не вытолкают, будто наглую девку, возомнившую о себе невесть что.

«А ну как в этом их Ордене сплошь все мастера, как Крэг или Пасита, мне там тогда и подавно делать нечего...»

Крэг... Они никогда не разговаривали о будущем. Значит ли это что она его не любит, а он относится к ней, как к любой другой приглянувшейся девке? Крэг хороший парень, особенно для Защитника, но не стоит забывать, он вырос в Ордене и с самого начала привык к мысли, что никогда в жизни не обзаведется настоящей семьей. А она сама? Кира попыталась представить, что если они с Крэгом вдруг разлучатся надолго, будет ли она лить ночами слезы в подушку, думая о нем? Да и по Микору она не слишком печалилась... Ответ пришел незамедлительно: «Вряд ли». От этой мысли стало немного легче.

Крэг не называл ее своей, не говорил, что любит, не предъявлял никаких прав. Ничего. Кира и знала только, что ему нравится. Чувствовала, как тело радостно откликается на ласки, желая большего. Нельзя было забывать и о том, что начало их отношениям положила сила, два совместных сна сделали их чуточку ближе, лишив излишней скромности и стеснения, породили что-то общее, сокровенное. Наяву дальше поцелуев никто не заходил, да и те больше напоминали игру «разозли Паситу». Правда, играли в нее они все реже. Тин Хорвейг мстил Крэгу за каждое неосторожное движение, устраивая унижительные экзекуции, которые именовал тренировками. Не в силах на это смотреть, Кира старалась не допускать такого вновья.

Матренино зелье работало. Сны больше не снились, во время медитаций тоже ничего не происходило. Правда, и достичь нужного состояния не удавалось, Кира попросту сидела с

закрытыми глазами и отдыхала, делая вид, что все идет как надо, лишь бы Пасита не обратил внимания. Охотница немного волновалась из-за этого. Уже после первой капли что-то изменилось, будто часть ее куда-то пропала: «Выходит, это та самая сила?».

Оказывается, она жила в ней с рождения, а охотница так привыкла к ее присутствию, что и не подозревала, как без нее все по-иному. Притупились реакция и инстинкты это было особенно заметно на тренировках, во время медитации она едва находила точку покоя, но не могла в ней удержаться. Хотя жаловаться не на что. Главное, больше никаких снов и путешествий к Излому.

Глава 8

1.

Верхом дело пошло быстрее, да и местность стала суше. Большак пролегал по пологим холмам и вскоре влился в оживленный тракт. На ночлег, как и планировали, остановились в Красных Горках. До Ордена Защитников отсюда оставался всего лишь день пути не обремененному поклажей всаднику.

Мощными стенами и суровыми стражниками Киру уже было не удивить, не такое видали. Но городу удалось ее ошеломить размерами – он разбросал свои улицы сразу по нескольким холмам, и количеством народа – куда там Птичьему Терему! А какова же тогда столица? Серокаменные стены домов и построек – на глаза не попало ни единого бревенчатого сруба – могли бы показаться мрачными, если б не красные, пламенеющие в лучах заката крыши. Из уроков Паситы и Нааррона Кира уже знала, что неподалеку расположены самые большие глиняные карьеры Княжества, цвет добываемой там глины – бурый, отсюда и этот насыщенный красноватый оттенок. Состоятельные горожане могли себе позволить покрытую эмалью черепицу, которая ярче блестела на солнце. А среди знати особым шиком считалось украшать отдельные черепички краской из перламутра лиардинских моллюсков, такие крыши волшебным мерцали в лунном свете. Кира захотела это увидеть, и Нааррон сказал, что непременно свозит ее в Стольный град при случае, там почти весь Верхний круг может похвастаться подобной роскошью. Незабываемое зрелище.

В Красных Горках, впрочем, она таких крыш не увидела, да и в Купеческом конце, где располагались все постоянные дворы их попросту не могло быть. Зато удалось вдоволь насмотреться на забавные вывески, многие из которых так же мерцали в сумерках. Кира неважно себя чувствовала. Спина совсем затекла, ныли колени, то и дело сотрясал озноб, а голову будто сжало обручем: «Неужто простудилась?» Эта мысль показалась ей дикой. Защитники не болеют, сила сама с мелкими недугами справляется: «Наверное, это из-за зелья. Оно умирало силу, а я умудрилась замерзнуть. Вот же дурья башка! Нужно было подумать об этом заранее и теплее одеться в дорогу». Мучительно размышляя, она стиснула в кулаках поводья: «Сказать брату или не стоит?» Если сказать, Нааррон обязательно что-то заподозрит, тем более что наловчился врачевать Защитников. Кира решила, потерпит еще денек, ведь до Ордена всего ничего осталось.

– Куда? – Пасита обернулся к спутникам. – Я толком не знаю этот город.

– В «Полный колос»! – не сговариваясь, хором выпалили Крэг и Нааррон. И рассмеялись переглянувшись.

Пасита выбрал большую комнату на втором этаже. Одну на всех, объяснив это простой предосторожностью, и его слова можно было понимать по-разному.

За окном смеркалось, и Кира некоторое время наблюдала, как по оживленной, несмотря на вечер, улице проезжают экипажи, да снуют туда-сюда прохожие. Перед ней остывала миска ароматной похлебки с телятиной. Посреди стола стояло огромное расписное блюдо с копчеными колбасами – новомодная диковинка, пояснил Крэг. Рядом на блюде поменьше лежал большой кусок окорока, и с десятков перепелов, к которым отдельно подавались брусничный и чесночный соусы. Горкой возвышались ломти свежеспеченного хлеба разных сортов. Пшеничный, ржаной с хрустящей корочкой, луковый с желтым мякишем, пряный, пестрящий вкраплениями ароматных трав. Мужчины заказали бутылку хорошего вина и один из кубков стоял теперь перед Киной.

Умопомрачительные запахи витали в воздухе, и Защитники уплетали за обе щеки. От них не отставал Нааррон. Кира тоже было принялась за похлебку, как вдруг запах копченостей

вызвал резкий приступ дурноты. Не подавая виду, она уставилась в окно, судорожно соображая, что делать. Время, когда нужно было принять зелье уже прошло, но по приезде в город не выдалось такой возможности. Заветный пузырек остался в кармане напитавшейся влагой куртки, которую охотница повесила сушиться в комнате. Пока все переодевались с дороги она немного погрелась у камина, прежде чем отправиться на ужин. Правда, пришлось сделать вид, что дивится отсутствию привычной печи.

Своему состоянию Кира не сильно удивлялась, ведь Матрена предупреждала, что если не принять снадобье вовремя, то будет нездоровиться.

Теперь же нужно подгадать момент, чтобы незаметно улизнуть. Охотница повернула голову и едва не зажмурилась, когда картинка поплыла перед глазами.

– Ты что, пьяна? – спросил брат. – Сначала надо поесть, а потом за вино хвататься. – Он беззлобно рассмеялся.

Кира ничего не успела ответить, поймав на себе пристальный взгляд Паситы. Тот хотел было что-то сказать, как его окликнули.

– Тин Хорвейг?! Здрав будь, Защитник! Мой сын с тобой?

Кира вздрогнула, увидев едва ли не точную копию Мордана. Мужчина был гораздо старше, Кира подумала: «Отец, скорее всего». Порадовавшись, что вниманием Паситы завладели и он от нее отвлекся, она решила и тихонько встала из-за стола. Крэг с интересом прислушивался к разговору, а Нааррон впился зубами в перепелку, испачкавшись в брусничном соусе.

– Кува фы? – спросил он с набитым ртом.

– В нужник. Зачем, рассказать?

Тот помотал головой, соорив испуганные глаза.

– У нас с Морданом возникли разногласия. Он возомнил, что находится в собственном поместье, – продолжал тем временем пришелец. – Мне надоело его распутство, и он уехал.

– Давно это случилось?

– Еще летом, как раз после праздника Киаланы.

Старший тин Шноббер тяжело вздохнул, возведя очи горе.

– Твои слова совпадают с содержанием его послания, но где же тогда он сам?

– Откуда мне-то знать? Я что ему, нянька? – взгляд Паситы выражал недоумение. – Я и так уже пожалел, связавшись вашим семейством. – В голосе прозвучало явное презрение, и глаза собеседника зло сузились.

– А мой племянник, Харила?

– Харила был не так плох, если бы не его тупость и лень. Впрочем, он-то как раз продержался дольше.

– Что?! – казалось тин Шноббер искренне удивлен.

– Болван сбежал сразу перед набегом Стаи. Даже жалованье не попросил.

В этот момент Пасита увидел, что охотницы нет за столом. Он протянул руку и схватил ее кубок, тот оказался полным, и вино плеснуло на деревянный стол.

– Где Кира?!

2.

Оказавшись в комнате, охотница поспешно выудила флакон из кармана, дрожащими пальцами размотала тряпицу. Тугая пробка не поддавалась, и Кира потянула сильнее. Снадобье выскочило и рук, и она едва смогла поймать его у самого пола.

– Сартог дери! – выругалась Кира.

На деревянном полу расплывались темные круги – часть все же пролилась. Киру едва не поддалась панике, но, взглянув на просвет, выдохнула. Оставшегося количества хватит еще на два-три раза. До цели день пути, так что можно не волноваться. В Орден же Матрена строго-настрога наказала его не брать. Если кто узнает, могут возникнуть ненужные вопросы, что

обернется большими проблемами прежде всего для нее, для Киры. Охотница не могла взять в толк, что же тут такого, но на ее прямой вопрос знахарка ничего не ответила, лишь многозначительно постучала по лбу указательным пальцем. И все же она собиралась рискнуть. Зелье могло еще не раз пригодиться, так что она надеялась найти способ пронести его внутрь или же припрятать где-нибудь снаружи, чтобы воспользоваться, если станет совсем неважно. Надо только осторожно выведать у брата о порядках Ордена. Неужели всех, кто входит в его стены, тщательно обыскивают?

Кира открыла рот и зажмурилась. Сейчас жгучая капля коснется языка, и она испытает не самые лучшие моменты, но такова плата за спокойствие.

– Что это?!

Охотница вздрогнула от неожиданности, едва не выронив пузырек вновь.

– Это?

– Да. Что во флаконе?

– Снадобье от бессонницы, – буркнула Кира, отодвигаясь к окну, и отвернулась, спеша проглотить содержимое.

Рука Защитника перехватила запястье и больно сжала, прежде чем ей это удалось.

– Отдай! – прозвучало угрожающе.

– Эй, это мое!

Охотница попыталась переложить флакон в другую руку, но и та оказалась в плену. Пасита нажал особую точку на запястье, резкая боль вынудила Киру зашипеть и разжать пальцы. Без усилия Защитник отнял флакон и отошел в сторону, видимо, на всякий случай. Обиженно зыркнув, она было сделала шаг следом.

– Только попробуй, – он предупреждающе повскинул взгляд, – и я тебя отшлепаю! При чем с удовольствием.

Его слова и нехорошая ухмылка отбили напрочь все желание пытаться снова.

Тин Хорвейг поднес флакон к носу и втянул воздух. Его глаза округлились и он повернулся к Кире:

– Сартог тебя дери! Сколько ты выпила?

– Нисколько. Ты мне помешал, – мрачно ответила Кира.

– Как давно?

– Достаточно, чтобы не разгуливать по дну Излома на каждой медитации. И нормально спать. Без снов с твоим участием!

Кира с вызовом посмотрела в стальные глаза и опешила. Там плескалась такая ярость, что она невольно отступил на шаг. Пасита демонстративно поднял дрожащий кулак и сжал. Стекло треснуло, превратившись в мелкую крошку. Страхнув ее с ладони вместе с несколькими каплями крови, Пасита вытер руку об штаны и вдруг молниеносно оказался рядом.

Кира не поняла как это случилось. Инстинкты подводили на каждом шагу, будто она и не тренировалась половину своей жизни. От неожиданности и испуга она не успела ничего противопоставить, и оказалась прижатой грудью к выкрашенной стене. Руки были заведены за спину, и любая попытка освободиться оканчивалась весьма болезненно.

Шею обожгло дыхание. Оцарапав кожу щетиной Пасита, вибрирующим от гнева голосом, процедил прямо в ухо:

– Ты хоть понимаешь, что это измена?

– Что? – Кира даже застыла от удивления.

Она ожидала чего угодно, но только неподобных слов.

– «Слезы Киаланы»! Откуда у тебя яд?

– Это не яд. Это всего лишь зелье...

– Это яд! – перебил Пасита. – Ты хоть понимаешь, что именно собиралась выпить?! – он зло ее тряхнул. – Знаешь, как он действует?

– Я не вижу снов и...

– Яд постепенно разрывает связи потоков силы с твоим телом, ее становится все меньше. Это похоже на то, как... как реки мелеют во время засухи. Если же откажешься его принимать, придет жажда, разрушающая твоё тело и внутренности. Сила до поры до времени защищает тебя от этого губительного влияния. Но к тому моменту ее почти не останется, и ты попросту умрешь в муках!

Бесцеремонный рывок, и Кира приложилась грудью об стену всхлипнув. Было даже не столько больно, сколь обидно.

– Я не знала! – выкрикнула она. – Пусти!

Защитник резко развернул ее к себе. Холодные как лезвие ножа глаза зловеще светились в полумраке комнаты, озаренной лишь тлеющими в камине углями, губы сжались в тонкую полоску, ноздри раздувались.

– Кир-р-ра! – прорычал он сквозь зубы ей в лицо.

Охотнице показалось, что часто-часто бьющееся в груди сердце сейчас выпрыгнет и убежит далеко-далеко, к примеру – в Золотые Орешки. И неясно, что страшнее – этот мужчина, испепеляющий ее взглядом или его слова?

Пасита пояснил, уже чуть спокойнее:

– Тебе известно, что «Слезы Киаланы» создал мудрец-мятежник со своими учениками, чтобы отравить Защитника? Убийство Защитника – государственная измена, наказание за измену – смертная казнь!

Кира, холодея, выпучила глаза еще сильнее, хотя не думала сама, что такое возможно: «Да неужто Матрена ученица мятежного Хранителя Знаний? Это наша-то Матрена?!»

– Ты знаешь, что Кодекс не только дает право, но и обязует Защитника, обнаружившего «Слезы Киаланы» казнить на месте всех причастных? – продолжал он.

Кира слотнула и сдавленно произнесла:

– Нааррон и Крэг... Они ни при чем. Они ничего не знают!

Пасита долго и пристально смотрел, а Кира думала только о неминуемой гибели: «Киалана... Сейчас или позже?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.